

**ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ**

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

КАЖДЫЙ человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

*Всеобщая декларация прав
человека, статья 19.*

Выпуск 42

8 октября 1976 года

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
Нью-Йорк**

**ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ**

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

КАЖДЫЙ человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

*Всеобщая декларация прав
человека, статья 19.*

Выпуск 42

8 октября 1976 г.

СОДЕРЖАНИЕ

За песни — в больницу — Дело Башкирова — Аресты, обыски, допросы — В тюрьмах и лагерях — В психиатрических больницах — Преследования верующих — Преследования крымских татар — События в Грузии — Краткие сообщения — Группа содействия — Письма и заявления — Новости самиздата — Два некролога

ГОД ИЗДАНИЯ ДЕВЯТЫЙ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Издательство "Хроника", имея на то ясно выраженные полномочия, будет, по мере поступления, переиздавать типографским способом выпускаемый в СССР в Самиздате журнал "Хроника текущих событий".

Главный редактор издательства "Хроника"

Валерий Н. Чалидзе

A CHRONICLE OF CURRENT EVENTS

Issue No. 42

October 8, 1976

Copyright © 1977 by Khronika Press

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., N.Y., N.Y 10018

Printed by: Chalidze Publications, New York

СОДЕРЖАНИЕ

За песни – в больницу	5
Дело Башкирова	7
Аресты, обыски, допросы	10
В тюрьмах и лагерях	30
В психиатрических больницах	67
Преследования верующих	68
Преследования крымских татар	71
События в Грузии	75
Краткие сообщения	79
Группа содействия	85
Письма и заявления	86
Новости самиздата	94
Два некролога	104
Указатель имен	107

ЗА ПЕСНИ В БОЛЬНИЦУ

14 февраля 1975 г. после полуторагодового принудительного лечения в Казанской специальной психиатрической больнице домой в Москву вернулся Петр Старчик, арестованный в апреле 1972 г. (Хр. 28, 35).

Вскоре Петр Старчик стал еженедельно устраивать в своей квартире концерты. Аккомпанируя себе на пианино, гитаре или цитре, он пел свои песни на стихи поэтов многих стран. В первую очередь русских: любимейшей Марины Цветаевой и Хомякова, Мандельштама и Фета, Клюева и Ходасевича... Пел он, отец двоих маленьких детей, и детские песни.

Пятница была объявлена "открытым днем". Любой хороший человек знал, что в этот день он встретит в квартире Старчика теплый прием и целый вечер песни.

Властям не нравились эти неподконтрольные вечера, репертуар которых не посылался им на утверждение, слушатели которых были им частью неизвестны, частью ненавистны.

Они начали "предупреждать" Старчика, чтобы он кончил петь. Предупреждали в отделении милиции. Предупреждала главный врач психоневрологического диспансера при психбольнице им. Соловьева Сапожникова: прекратите петь, иначе — пеняйте на себя.

Петр Старчик, вполне отдавая себе отчет в грядущих неприятностях, продолжал петь.

31 августа, в день рождения Марины Цветаевой, когда у Старчика был полон дом гостей, пришли два милиционера и стали переписывать присутствующих, однако концерт продолжался.

15 сентября его попросили "на минуту" зайти в милицию. Там его уже ждала "психовозка". Старчика насильно (впрочем, он и не сопротивлялся) отвезли в психиатрическую больницу № 15.

В "психиатрической карте", заполненной на Старчика в больнице № 15, указано, что причина госпитализации — сочинение

антисоветских песен, организация сборищ сомнительных личностей. Имеется пометка "социально опасен".

18 сентября Старчика перевели подальше от друзей – в Московскую областную психиатрическую больницу № 5 (ст. Столбовая Курской ж/д). На свидания с ним допускается только его жена – Саида Старчик. Его лечащий врач – заведующий 7 отделением Борис Васильевич Новиков.

21 сентября друзья и знакомые Старчика, многочисленные почитатели его таланта выступили с протестом против принудительной госпитализации, вызванной немедицинскими причинами. Под протестом подписались 112 человек.

27 сентября Т. Великанова, А. Гинзбург, Т. Ходорович и Г. Якунин в письме министру здравоохранения СССР В. Петровскому потребовали освобождения Старчика и сообщили о своем намерении образовать комитет, который будет этого добиваться.

Хотя до сих пор у Старчика не было полагающейся по "Инструкции о неотложной госпитализации" (Хр. 28) комиссии, 6 октября его начали "лечить" галоперидолом.

Г. Померанц написал статью "Песни Петра Старчика", которая в монтаже с записями самих песен широко распространилась в "магнитофонном самиздате". Померанц разбирает те особенности творчества и самой личности Старчика, которые привлекли к нему любовь многих слушателей, и говорит о последнем повороте его судьбы:

"Основной акцент Старчика – на бесспорном, на духовном, а не на политическом споре... Однако какие-то инстанции – почему, мы не знаем – решили оборвать песни Старчика...

Трудно понять, что это такое: мелкое головотяпство, наподобие уничтожения живописи бульдозерами? Или шаг назад, к последним годам сталинского правления...? ...

Госпитализацию он принял с обычной своей мягкостью. "Надо принять это, как климат, – утешал он своих близких. – А кому невтерпеж, может уехать".

ции по процессуальным вопросам и правилам содержания под стражей; беспорядки в камере; 20 дней ему не дают бриться и помыться в бане.

В начале августа Башкиров в заявлении начальнику следственного изолятора снова потребовал вернуть ему письма, записки и документы. Он заявил также: "Присоединяюсь к протесту против насилия в мире и преследований за убеждения и по политическим мотивам, действуя единственно доступным мне способом, объявляю с 7 по 11 августа сухую голодовку".

24 августа следствие закончилось.

Приглашение адвоката столкнулось с обычными препятствиями. После неудачных попыток добиться разрешения на командировку адвоката из Москвы родственники Башкирова заключили договор с якутским адвокатом Медведевым. Он вместе с Башкировым ознакомился с делом и должен был выступить в суде.

25 сентября 17 москвичей сделали заявление "В защиту Павла Башкирова".

"... Предстоящий суд — "законный" по форме итог незаконных преследований: слежки, шантажа, тайных обысков — которым П.Е. Башкиров подвергался в течение нескольких лет. Он навлек на себя подозрения и гнев якутского КГБ тем, что дружил с теми, кого власти называют "антисоветчиками" и "отщепенцами", читал то, что государство считает непригодным для чтения советскими гражданами..."

Павел Башкиров не известен широкой общественности, но суд над ним должен, по нашему мнению, привлечь не меньшее внимание, чем процессы известных деятелей защиты прав человека в СССР. И этот суд — расправа за неугодную мысль, за естественную неспособность примириться с произволом, расправа над добрым и мужественным человеком".

27 сентября Верховный суд Якутской АССР начал слушание дела эпизодом, кажется, беспрецедентным даже для "политических" процессов. 23 сентября жене Башкирова Асе Габышевой сказали в адвокатуре, что Медведев уезжает в командировку, не сможет выступить в суде, и предложили нового адвоката. Однако оказалось, что Медведев никуда не уехал — он явился на заседание. Тем не менее, суд не допустил его к делу, назначив нового адвоката. Башкиров категорически отказался

ДЕЛО БАШКИРОВА

Павел Евгеньевич Башкиров был арестован 23 июня (в "Хронике" 41 — 22 июня) по приезду в Нюрбачан к А. Твердохлебову. Перед этим в аэропорту Нюрбы его обыскали под тем предлогом, что его рюкзак "похож на украденный". В рюкзаке были: магнитофон, пленки (в том числе с записью голосов родственников Твердохлебова по телефону), приемник, фотоаппарат, самиздат (в том числе две "Хроники"). Все это было изъято.

Башкирову предъявили обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР и спустя несколько дней отправили его в следственный изолятор Якутска. 24 июня сотрудники КГБ провели обыск на квартире Башкирова (при музее, где он последнее время работал). Изъято 17 магнитофонных пленок, фотографии Солженицына, Григоренко, самиздат (материалы по делу Даниэля и Сияевского, стихи Мандельштама и пр.), заметки самого Башкирова. Были сделаны обыски также на старой квартире Башкирова и у его матери — дома и на работе.

Среди свидетелей, допрошенных следствием, особо отличился Шавлов, бывший сослуживец Башкирова. Он написал 6 листов показаний, в которых не только подтверждал все, что его спрашивали о "распространении", но и проявил собственную инициативу, добавив к числу "читателей", известных следствию, еще несколько человек.

1 июля Башкиров подал жалобу прокурору ЯАССР по обстоятельствам ареста: при поступлении в изолятор, несмотря на то, что он вел себя смирно, ему стиснули руки наручниками за спиной так, что лопнула кожа, заперли в "стаканчик", угрожали смиренной рубашкой. В конце июля Башкиров подал жалобу тюремной администрации. Ее содержание: у него несколько раз отбирали письменные принадлежности и бумагу; отобрали личные письма, записи и документы по делу; не были удовлетворены его просьбы о получении юридической консульта-

от навязанного ему защитника и заявил, что он настаивает на приглашении московского адвоката по выбору его родственников. Суд прервали до 7 октября.

Действуя по поручению родственников Башкирова, Ю.Б. Закс смогла договориться с московским адвокатом Ю.Б. Поздеевым. Председатель Московской городской коллегии адвокатов Апраксин 29 сентября разрешил ему командировку, но на следующий день отменил свое разрешение.

Члены Инициативной группы Т. Великанова и Т. Ходорович и члены Группы содействия Л. Алексева, А. Гинзбург, М. Ланда, Ю. Орлов, В. Слепак и А. Щаранский обратились к министру юстиции РСФСР. В их письме говорится:

”30 сентября К.Н. Апраксин в личной беседе по телефону с лицами, уполномоченными матерью Башкирова, заявил, что ни одного из московских адвокатов в Якутск защищать Башкирова он ”не пустит”.

При этом Апраксин сначала ссылаясь на то, что ”все адвокаты заняты”, а потом на то, что якобы ”есть решение” разрешать членам МГКА защищать в судах других городов только обвиняемых в хищениях, убийствах и других подобных преступлениях в случаях, когда можно опасаться местных влияний на местных адвокатов. Чье это решение, когда и в каком порядке оно принято, К.Н. Апраксин не сообщил.

Мы не знаем, есть ли такое ”решение”, но если есть, то оно явно незаконно и резко ущемляет право обвиняемых на свободный выбор адвокатов. Ни Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, ни УПК РСФСР, ни Положение об адвокатуре, утвержденное Советом Министров РСФСР, не устанавливают каких-либо территориальных ограничений при выборе адвокатов.

Характерно, что только по политическим делам чинятся препятствия в выборе адвокатов (дело Палатник и дело Игрунова в Одессе, дело Ковалева в Литве и др.)”.

Жалобы и переговоры, которые Ю.Б. Закс провела в отделе адвокатуры Министерства [юстиции], привели лишь к тому, что в качестве защитника был восстановлен якутский адвокат Медведев.

Суд возобновился 7 октября. О ходе заседания ”Хронике” известно немного. Суд был открытым. Допрашивалось 10 свидетелей, трое из них — сокамерники Башкирова по следствен-

ной тюрьме, они дали показания об устном "распространении". 2 или 3 свидетеля "с воли" показали, что Башкиров давал им что-то читать. На суде фигурировала поездка Башкирова в гости к Твердохлебову (Хр. 41). Прокурор говорил, что Башкиров вел по телефону антисоветские разговоры. Не исключено, что имели в виду случай, когда Башкиров рассказал о своем "приводе" к прокурору для вынесения "Предупреждения" (Хр. 41). Прокурор потребовал максимального наказания по ст. 190-1 — три года лагерей.

В защитительной речи адвокат признал вину Башкирова, но просил у суда снисхождения, ссылаясь на хорошую характеристику с работы и на семейное положение Башкирова.

Последнее слово П.Е. Башкиров говорил на второй день суда. Перед этим адвокат прямо в зале суда начал уговаривать Башкирова смягчить свою позицию. "В своей речи вы защищали не меня, а прокурора", — ответил Башкиров. В последнем слове он отрицал антисоветский или клеветнический характер своих действий и отстаивал свои убеждения.

Приговор: полтора года лагерей общего режима.

АРЕСТЫ, ОБЫСКИ, ДОПРОСЫ

Лозунги в Ленинграде

6 апреля, в день несостоявшегося суда над Твердохлебовым (Хр. 40), из трамвайного парка вышли три трамвая с надписями на стенках: "Свободу политзаключенным!", "Свободу Андрею Твердохлебову!"

7 апреля аналогичные надписи появились на стенах консерватории и Института физкультуры им. Лесгафта, а также на стрелке Васильевского острова.

4 августа на стене Петропавловской крепости появилась огромная надпись размером 40м x 1м: "Вы душите свободу, но душа человека не знает оков". Надпись замазали белилами и отпескоструили, оставив заметную белую полосу.

6 августа за одну ночь на здании Таврического дворца, в подземном переходе на углу Невского проспекта и Садовой, на Адмиралтействе и на нескольких автобусах появились лозун-

ги: "СССР — тюрьма народов", "КПСС — враг народа", "Долой партийную буржуазию!". На витрине радиотоваров Гостиного двора было написано "Слушайте Голос Америки!".

В эти дни город был наводнен войсками МВД, милицией, патрулями КГБ, военизированной охраной. До сих пор в Ленинграде выборочно проверяют частные автомобили и прохожих с "подозрительными" свертками.

13 сентября в Ленинграде прошла серия обысков. В постановлениях на обыск говорилось либо "по делу об антисоветских надписях", либо "по делу № 62". Обыски были проведены у художников Юлия Андреевича Рыбакова и Олега Николаевича Волкова, у поэтессы Юлии Окуловой (литературный псевдоним — Юлия Вознесенская), у ее подруги Натальи Лесниченко и еще у двух человек (см. ниже). Ни у кого из них ничего относящегося к лозунгам не было найдено.

После обысков Рыбаков, Волков, Окулова и Лесниченко были арестованы.

К Окуловой в камеру приходил человек, представившийся заместителем начальника ленинградского УКГБ. Он предложил ей взять вину за лозунги на себя и заявить, что писала их она. Он пообещал ей, что в этом случае будет устроен показательный процесс, вроде суда над Марамзиным (Хр. 35), после чего ее освободят и отпустят за границу. Окулова отказалась. На одном из допросов заместитель прокурора г. Ленинграда Катукова (в 1970 г. она была обвинителем на процессе "самолетчиков") спросила ее: "Когда обсуждалось, как и какие лозунги писать, присутствовал ли при этом Владимир Борисов (см. ниже)?" Окулова ответила, что она вообще ничего о таком обсуждении не знает. Никаких показаний Юлия Окулова не дала. Через три дня ее освободили из-под ареста, взяв подписку о невыезде. С нее была взята также подписка о неразглашении тайны следствия. Юлия Окулова — мать двоих детей. Она — член недавно организованной Инициативной группы ленинградских неортодоксальных поэтов и художников. Эта группа составила сборник стихов и рисунков, который был предложен нескольким советским издательствам, однако ответа они не получили.

На одном из допросов Наталья Лесниченко показали записку Рыбакова, в которой было написано, что надписи делал он. После этого она дала показания, что присутствовала, когда Рыба-

ков писал лозунги. Как и Окуловой, через три дня после ареста задержание под стражей ей заменили на подписку о невыезде. С нее также была взята подписка о неразглашении.

Рыбакову и Волкову на допросах было заявлено, что если они признаются, то Окулова и Лесниченко будут отпущены на свободу.

Рыбаков показал, что все надписи сделал он сам и Лесниченко присутствовала при этом, а Окулова знала о том, что он собирается их сделать. Он рассказал, куда они бросили банки от краски.

Волков тоже взял все надписи на себя. Никаких показаний о соучастниках и свидетелях он не дал.

Всем четвертым предъявлено обвинение по ст. 230 УК РСФСР ("Умышленное уничтожение, разрушение или порча памятников культуры") и ст. 98 ("Умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества"). Всем, кроме Лесниченко, предъявлено также обвинение по ст. 17 ("Соучастие"). Рыбаков и Волков обвиняются еще и по ст. 190-1 ("Распространение заведомо ложных измышлений...").

Ст. 230 предъявлена за надписи на Петропавловской крепости, Адмиралтействе и Таврическом дворце. Ст. 98 — за надписи на трамваях и автобусах.

Ю. Рыбаков (1946 г. р.) — участник многих выставок независимых художников, в частности выставки, которая примерно 10 лет назад состоялась у здания Костела: несколько художников расставили прямо на улице свои мольберты и стали рисовать. Милиция разогнала их. Отец Юлия, актер и поэт Андрей Николаевич Рыбаков, в 40-х годах попал в лагерь — Юлий родился в лагере. Сейчас он учится в Академии художеств. У него жена и двое детей (7 лет и полгода). Семья Рыбакова ходатайствует об изменении меры пресечения.

О. Волков (1940 г. р.) был ранее судим за попытку изнасилования и 4 года провел в лагерях. Также участвовал в выставках художников-авангардистов. С женой — в разводе. Имеет семилетнего сына.

Заявление Владимира Борисова

В тот же день, 13 сентября, обыски "по делу № 62" были произведены также у Владимира Борисова (в Ленинграде — на

его квартире и на квартире его матери) и у его жены Ирины Каплун (в Москве).

На обыске у Каплун был изъят доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС "О культе личности" (перепечатанный на машинке), книга А.Д. Сахарова "О стране и мире", книга Роя Медведева "О социалистической демократии", книга Бердяева "Смысл истории", книга Андрея Платонова "Чевенгур" (фотокопия), сборник "Смена вех", сборник "Из глубины" (машинописная копия книги, изданной у нас в 1921 году), книга Андрея Боголюбова об Иисусе Христе "Сын человеческий", сборник писем Н.И. Буковской "Письма матери", мемуары Сергея Мюге "20 лет – не век", мемуары Револьта Пименова "Один политический процесс", статья Анатолия Якобсона "О романтической идеологии", сборник документов Б.И. Цукермана "Почтовый роман", сборник стихов и песен Галича, сборник материалов о Сергее Ковалеве.

Понятая Л.Д. Евлошина участвовала в обыске почти наравне с работниками КГБ.

И. Каплун родилась в 1950 г. Когда она училась в 9 классе, ее и нескольких ее подруг поймали за распространением листовок против возрождения сталинизма. Тогда их "по молодости" только пожурили. В 1969 г., когда Каплун была студенткой 3 курса филологического факультета МГУ, ее арестовали. В 1970 г., уже после прекращения предварительного следствия, но до суда, ее внезапно помиловали (Хр. 11-16). В МГУ ее не восстановили, а в другие московские ВУЗы несколько раз не принимали после успешной сдачи вступительных экзаменов (например, в 1972 г. она сдала все экзамены в пединститут на "отлично").

На обыске у Борисова были изъяты фотопленки с копией 3-го тома "Архипелага ГУЛаг" Солженицына, 7 экземпляров ксерокопии сборника статей А.Д. Сахарова, листок бумаги, содержащий некоторые из лозунгов, о которых говорилось выше (они были переписаны не рукой Борисова), и самодельное "печатное устройство".

21 сентября на пресс-конференции в Москве В. Борисов сделал "Заявление для прессы":

"В нашей стране уже более полувека – информационный голод... На обысках вместе с литературой изымаются "орудия преступления": магнитофоны, пишущие машинки, люби-

тельские фотоувеличители и т. п. — все, что является или кажется обыскивающим приспособлением для размножения текста.

В этих условиях чрезвычайно остро стоит проблема самостоятельного тиражирования неподцензурной литературы. Плата же за решение этой проблемы — либо тюрьма, либо спецсхбольница, либо бандитское нападение из-за угла.

Я разработал технологию и простое, дешевое печатное устройство, которое легко изготовить в домашних условиях. Один из экспериментальных образцов был отобран у меня во время недавнего обыска.

Я убежден, что в моих действиях нет ничего противозаконного. Считаю своим правом и своим долгом способствовать свободному обмену и распространению информации”. На этой же пресс-конференции Людмила Алексеева, Татьяна Великанова, Ирина Каплун и Мальва Ланда сделали следующее заявление:

”... В стране существует жестокая информационная норма. Власти не жалеют национальных сил и средств на ее сохранение.

Мы, сознавая свои крайне ограниченные возможности, считаем своим долгом способствовать распространению мысли, литературного творчества... Мы считаем желательным использование для этой цели не только пишущих машинок, но и более многотиражных печатных устройств.

Мы намерены помочь распространению чертежей и технологии созданного Владимиром Борисовым печатного устройства.

... Мы напоминаем, что Владимиру Борисову угрожает опасность вновь подвергнуться репрессии. В течение 5 лет, с 1968 по 1974 гг., он находился в заключении в психиатрических больницах, в психиатрической тюрьме — за участие в Инициативной группе защиты прав человека в СССР, за распространение внецензурной литературы. Предлогом новой репрессии может оказаться любая уже изъятая у В. Борисова вещь: печатное устройство, ”Архипелаг ГУЛаг”, ”Сахаров в борьбе за мир”...

Мы обращаемся ко всем, кому дороги человечность, свобода, свободная мысль и свободное творчество, — высту-

пить в защиту тех, кому грозят репрессии за распространение независимой информации, сегодня – в защиту Владимира Борисова”.

О Владимире Борисове ”Хроника” писала неоднократно (Хр. 8, 11, 19, 24-28, 30, 32).

Преследования Ильи Левина

”Хроника” 39 писала об обыске, который был проведен 26 декабря 1975 г. у ленинградского филолога Ильи Левина. 27 января 1976 г. Левину было отказано в разрешении на выезд в Израиль. В качестве причины была указана его служба в армии в 1972-1973 гг. (в ”Хронике” 39 здесь неточность).

18 февраля к нему домой явились два сотрудника КГБ (один из них – Константинов) и потребовали, чтобы он впустил их ”для беседы”. Левин отказался. Когда через некоторое время он вышел из квартиры, к нему подошел милиционер, потребовал паспорт, передал его появившимся сотрудникам КГБ и приказал Левину вернуться домой, куда прошел и сам. Свыше часа милиционер не выпускал Левина из дома и не подпускал его к телефону... Затем в квартиру пришли те же сотрудники КГБ, вернули паспорт и ушли вместе с милиционером.

22 февраля начальник Смольнинского райотдела ленинградского УКГБ Кудров вызвал Левина и предложил ему подписать документ о том, что он, Левин, обладает государственными тайнами СССР. Левин отказался, сказав, что это ложь. В ходе беседы Кудров угрожал Левину публикацией статьи, которая ”скомпрометирует его здесь и там”, уголовным преследованием за ”особо опасное государственное преступление” (какое именно – сказано не было) и преследованием по ст. 190-1 ”за распространение тенденциозной информации”. Кудров осведомился о психическом здоровье Левина.

26 февраля милиция задержала Левина на улице ”для установления личности” (ему заявили, что он ”очень похож на одного преступника”), доставили в Смольнинское РУВД и подвергли его личному обыску. Через несколько часов его освободили.

9 марта к Левину снова подошел милиционер ”для установления личности” и, несмотря на предъявленный паспорт, пре-

проводил его в милицию. Там его опять обыскали и отобрали книги и журналы на английском языке. В ответ на требование Левина прекратить незаконные руководивший обыском подполковник милиции Бороздин ответил: "Командовать будете в Израиле". Часть отображенных книг и журналов Левину, после его неоднократных жалоб, вернули.

В конце марта несколько ленинградских интеллигентов обратились в Управление культуры с просьбой предоставить им помещение для вечера памяти Гумилева. В эту группу входил и Левин. 15 апреля милиция доставила его из дома в Дзержинское РУВД. Там заместитель начальника Дзержинского РУВД подполковник милиции Ужейкин предложил ему подписать следующий документ:

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Мне, Левину Илье Давидовичу, сделано предостережение Управлением внутренних дел Дзержинского райисполкома о неправильном моем поведении, выразившемся в участии в антиобщественных действиях в декабре 1975 г. по случаю годовщины казни декабристов (см. Хр. 38), и о недопустимости в дальнейшем антиобщественных поступков.

Мне разъяснена ст. 190-3 УК РСФСР об ответственности за организацию или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти.

Я предупрежден, что в случае, если приму участие в самоchinном праздновании, связанном с 90-летием поэта Гумилева, или в других антиобщественных действиях, я буду привлечен к ответственности в соответствии с законом.

Подписать этот документ Левин отказался.

29 мая Левина привели в Смольнинское РУВД. Там ему предложили подписать

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Подозрительная деятельность по организации выставки, официально не разрешенной Главным управлением культуры, и появление на ней сопряжены с явным неповиновением представителям власти и являются нарушением общественного порядка.

В противном случае Ваши действия будут квалифицироваться в соответствии с существующим уголовным законодательством.

Левину объяснили, что речь идет о художественной выставке в Петропавловской крепости, намеченной на 30 мая, и что у них есть "список лиц, которых надо предупредить".

30 мая, около 8 часов утра, домой к Левину явилась группа из 5 человек (один — в милицейской форме). Назвать себя пришедшие отказались. Левину было сказано, что в этот день ему "лучше бы сидеть дома". Выйдя из дома, Левин заметил за собой слежку. Через некоторое время один из следивших предъявил удостоверение работника милиции и попросил у Левина паспорт. Затем он заявил, что "паспорт вызывает у него сомнения", и предложил Левину следовать в милицию. В Смольнинском РУВД Левина ознакомили с протоколом, в котором утверждалось, что на предложение работника милиции предъявить документ он ответил отказом; затем он якобы отказался следовать в отделение милиции и при задержании оказал сопротивление. Левин отказался подписать ложный протокол и хотел сам описать происшедшее. Сделать это ему не дали. Левина обыскали и отобрали портфель, часы, очки, паспорт и шнурки от ботинок. Освободили его, вернув все, кроме паспорта, около 7 часов вечера. Сразу же после освобождения Левин отправился в ГУВД Ленинграда, где заявил протест против незаконного задержания и изъятия паспорта. Дежурный отказался распорядиться о возвращении паспорта и заявил, что он "в курсе всех дел".

1 июня милиционер явился домой к Левину и доставил его в народный суд Смольнинского района. Судья приговорил его по Указу "Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, честь и достоинство работников милиции..." к 10 суткам ареста, причем в вину ему вменялось "злостное неповиновение" 30 мая.

Находясь под арестом в спецприемнике, Левин в знак протеста объявил голодовку. 3 июня врач спецприемника заявила Левину, что в связи с голодовкой у нее "вызывает сомнение его психическое здоровье".

9 июня Левин был освобожден.

29 июня Левин обратился к Генеральному Прокурору СССР

с жалобой на постоянные беззакония ленинградской милиции.

13 сентября у Левина был произведен обыск "по делу о надписях" (см. выше). Ничего относящегося к этому делу не нашли. Были изъяты фотографии художников, личные записи, стихи.

Арест Геннадия Трифонова

Геннадий Николаевич Трифонов родился в 1945 г. в Ленинграде.

В 1965 г. стал литературным секретарем Ольги Берггольц.

В 1967 г., когда Трифонов находился в армии, он согласился стать осведомителем КГБ. В своем "Открытом письме Генриху Беллю" от 14 мая 1976 г. он пишет:

"Во время моего пребывания в армии путем грубого нажима, различных угроз, прибегнув к обвинению меня в гомосексуализме, который, как известно, в СССР преследуется не только в уголовном порядке, но широко используется с целью опорочить неугодных режиму лиц, на меня было оказано давление с тем, чтобы я вступил в ряды сотрудников КГБ. В 1967 г. я подписал мое согласие работать в КГБ.

Меня досрочно уволили из армии, и в 1967 году я вернулся из Мурманска в Ленинград.

До 1969 года я продолжал работать секретарем Ольги Берггольц. В 1970 году я был переведен на работу секретарем к советской писательнице Вере Пановой. В 1973 году мне было поручено войти в доверие к ленинградскому писателю Даниилу Гранину, но уже в тот период упрочившаяся за мной репутация осведомителя КГБ сделала невозможным мое новое секретарство. В том же 1973 году я был переведен на работу в киностудию "Ленфильм", где в мою обязанность входило координировать деятельность мелких осведомителей, поддерживая связь с руководством КГБ через заместителя директора студии по кадрам, одновременно являющегося полковником госбезопасности СССР.

Несмотря на то, что моя работа на госбезопасность была вынужденной чрезвычайными обстоятельствами, я все эти годы тяготился моей причастностью к органам КГБ. Я старался давать информацию самого общего характера, заведо-

мо известную КГБ из других аналогичных источников. Я твердо знал, что по моей вине не пострадал ни один человек... Но самый факт моей, пусть даже формальной, причастности к деятельности КГБ... являлся для меня как русского литератора и человека позорным.

В августе 1973 года я обратился к высокопоставленному сотруднику ленинградского управления КГБ с прошением об увольнении. Прощение не было удовлетворено. В сентябре 1973 года я совершил попытку самоубийства, приняв сильную дозу нембутала. Был спасен врачами и, согласно заключению невропатолога, уволен из КГБ с диагнозом "реактивный невроз". Одновременно я был уволен с работы на киностудии.

Полагая, что я полностью освободился от органов госбезопасности, я целиком отдался литературной работе... С первого дня моей работы в КГБ я поставил об этом в известность всех моих близких друзей...".

Работая на "Ленфильме", Трифонов поддерживал контакт с КГБ через упомянутого им заместителя директора по кадрам, подполковника КГБ Лаврентия Васильевича Соколовского, и одного из директоров снимаемых картин, офицера КГБ Юрия Николаевича Губанова. Его действиями руководил заместитель начальника отдела культуры УКГБ, капитан КГБ Вячеслав Стефанович Новиков. При увольнении из КГБ Трифонов дал подписку о том, что он обязуется всю ему известную информацию хранить в тайне. В этой "подписке" содержалось также предупреждение, что в случае разглашения тайны ему будет предъявлено обвинение в "измене родине".

В конце 1974 г. Трифонова насильственно помещают на месяц в психиатрическую больницу. Там его посещают работники КГБ, пытаются снова склонить к сотрудничеству. После выписки из больницы Трифонова предупреждают в психоневрологическом диспансере по месту жительства, что если он разгласит обстоятельства своей госпитализации, его снова поместят в больницу.

Начиная с 1975 г., Трифонов является активным участником мероприятий, проводимых независимыми литераторами и художниками Ленинграда.

В 1976 г. Трифонов решил переехать на постоянное жительство

во к родственникам в США. В письме к Беллю он пишет.

”... 28 апреля 1976 года я был вызван на продолжительный допрос, где от меня требовали письменных показаний, порочащих моих друзей — неофициальных художников и поэтов Ленинграда. Я категорически отказался от дачи показаний... На допросе 28-го апреля сотрудником аппарата МВД мне было заявлено, что, если я не прекращу моих антисоветских деяний, буду добиваться от властей разрешения выехать из СССР, буду предлагать свои произведения для публикации за границей, против меня будут приняты более жесткие меры.

1-го мая 1976 года в вечернее время я был зверски избит тремя незнакомыми мне людьми, затем уехавшими в автомобиле с номерным знаком КГБ”.

Письмо кончается так:

”Я обращаюсь к Вам, господин Белль, с настоятельной просьбой... помочь мне покинуть мою страну...

Я вполне сознаю, что сам факт моего письма к Вам и его дальнейшее распространение на Западе ставят под угрозу мою личную безопасность. Но у меня нет иной возможности, как только обратиться к моим коллегам — литераторам Европы — с призывом о помощи. Моя дальнейшая жизнь в моей стране в условиях, в которые я поставлен властями в настоящую минуту представляется мне невозможной”.

15 июня Трифонов был уволен с работы.

В июле посольство США известило Трифопова, что американские власти готовы впустить его в качестве иммигранта, однако ленинградский ОВИР не принял у Трифопова документы. 19 июля следователь МВД Подгайский заявил Трифопова, что ”вместо Америки” он попадет в ”тюрьму или в психиатрическую больницу на длительный срок” и что он — ”изменник родины” и ”враг народа”.

22 июля Трифонов обратился в Президиум Верховного Совета, МВД, КГБ и Прокуратуру СССР, а также в редакцию газеты ”Известия”:

”... Основываясь на конфискованных у моих друзей рукописях моих произведений и частной переписке, находящейся в распоряжении органов КГБ, подслушивая мои телефонные

разговоры и подсматривая мою частную жизнь с помощью моих соседей по квартире,... заинтересованные круги, клеветнически и тенденциозно интерпретируя факты моей биографии, пытаются... возбудить против меня уголовное дело по ст. ст. 120 и 121 УК РСФСР...

Настоящим письмом я ставлю в известность Президиум Верховного Совета СССР..., что я рассматриваю преследование меня по ст. ст. 120 и 121 УК РСФСР в их полном объеме как репрессивную меру, предпринимаемую компетентными органами СССР с целью воспрепятствовать моему праву свободно эмигрировать из СССР". (Ст. 120 – "Развратные действия", ст. 121 – "Мужеложство".)

5 августа у Трифонова был произведен обыск. Конфискован весь личный архив, книги, бумаги...

Через некоторое время Трифонов был арестован.

Арест за порядочность

В начале сентября в Киеве был арестован врач Михаил Спиридонович Ковтуненко. Следствие еще не закончилось. По слухам, его, как и винницкого врача Михаила Штерна (Хр. 34), обвиняют во взяточничестве. Настоящая причина ареста Ковтуненко вскрывается в открытом письме "Не пожелаешь быть подлецом – в тюрьму!" (октябрь 1976 г.) члена советской группы "Международной Амнистии", писателя Миколы Руденко (Хр. 36):

"... Кому-то из важных сотрудников КГБ пришла в голову великолепная мысль: слушайте, братцы, почему бы нам не использовать участкового врача Ковтуненко? Он за день обходит Чапаевку, Кончу Заспу, Мриги. Кто же лучше, чем он, может исполнять обязанности сексота?..."

Его уговаривали около трех месяцев. Сулили золотые горы. Особой чести в этих тайных планах удостоился я. Когда стало ясно, что Ковтуненко уговорить нельзя, начали угрожать арестом. За что? Ну, например, за то, что он "незаконно" выдает больничные листы.

Как-то Михаил Спиридонович, истерзанный моральными пытками, явился ко мне, чтобы откровенно обо всем посоветоваться. Я не верил, что дело выглядит столь неотврати-

мо... Ничего подобного не наблюдалось даже в самых жестоких из всех полицейских государств.

Но Михаил Спиридонович грустно улыбнулся:

– Не было, так будет. Они мне отказа не простят”.

М.С. Ковтуненко 6 августа написал записку:

”Мне, Ковтуненко Михаилу С., предложили сотрудничать в качестве сотрудника КГБ, чтобы я смотрел, видел, доносил на Руденко М.Д. в том, что он входит в группу Сахарова. Я разделяю полностью взгляды Руденко М.Д. и буду защищать их, сколько возможно. Считаю, что у нас нет свобод, даже простых. Верю в Украину”.

Через месяц он был арестован.

Арест Марта Никлуса

4 или 5 октября Марта Никлуса, живущего в Тарту, вызвали из школы, где он преподает английский язык, и отвезли домой для обыска. Поскольку оказалось, что нет ордера, Никлус квартиру не открыл, а отправился (вместе с кем-то из прибывших для обыска) в прокуратуру выяснять ситуацию. В его отсутствие обыск был все же проведен и были изъяты магнитофонные записи уроков и тексты на английском языке. 8 октября М. Никлус явился в прокуратуру для получения изъятых материалов и был арестован по обвинению в ”сопротивлении милиции”.

Март Никлус в 1958-1966 гг. отбывал в мордовских лагерях заключение по ст. 58-10 старого УК. О нем упоминается в книге Марченко ”Мои показания”.

Никлус – зоолог, после освобождения он не мог получить работу по специальности (Хр. 35), неоднократно обращался по этому поводу в различные инстанции.

Установление личности

Николай Иванов, отбывший срок как член ВСХСОНа (Хр. 1), после освобождения в 1973 г. поселился в селе Брыковы Горы недалеко от Александрова Владимирской области и стал работать истопником в Александровском храме. Поскольку эта работа сезонная, в мае каждого года он получал расчет, а в сентяб-

ре его снова оформляли на прежнее место. Этим летом Иванов договорился помогать в ремонте церкви в селе Гаденово Ростовского района Ярославской области.

21 августа к ремонтируемой церкви подъехала машина, где сидели два милиционера и начальник угрозыска Ростовского района Кузнецов. Они предложили Иванову поехать с ними в Ростов, так как "начальство хочет с ним побеседовать", и обещали доставить его обратно на той же машине. По прибытии в Ростов Иванова посадили в КПЗ для "установления личности": хотя он имел при себе военный билет, паспорта у него с собой не было, и с его слов было установлено, что в течение трех месяцев он не числится на работе. 22 августа его перевели в спецприемник Ярославля.

Иванов был отпущен на свободу лишь через 19 дней, после того как из Александровского районного отделения милиции пришел ответ на письменный запрос, действительно ли он прописан в этом районе. В течение всего этого времени не принимались ни письма, ни передачи, лишь однажды было разрешено передать ему папиросы (Иванов некурящий).

* * *

В "Хронике" 36 сообщалось, что бывший следователь МВД Юрий Иванович Федоров, отбыв шестилетний срок по делу об организации "Союза Коммунистов", освобожден в начале 1975 г., приехал в г. Лугу под Ленинградом и был там поставлен под надзор.

В мае 1976 г. его судили за нарушение правил надзора и говорили к ссылке.

* * *

Елгава (Латвия). 27 августа арестован Петр Михайлович Нарича. В этот день он выехал с женой и детьми и с одним своим знакомым на машине за город. В лесу к ним подъехал микроавтобус. Пять человек грубо потребовали у Наричы предъявить права, и как только Нарича спросил, кто они и почему кричат, набросились на него, избили до потери сознания и затащили в подъехавшую тут же милицейскую машину.

П. Наричу обвинили в избиении дружинников и отправили в Рижский следственный изолятор. Дело ведет прокуратура г. Елгавы.

6 октября П. Наричу посадили в карцер.

Петр Нарича — сын М.А. Наричы (Хр. 16, 38, 40, 41). Со времени ареста его отца в 1961 г. (предпоследнего) Петра Наричу много раз по инсценированным или вымышленным поводам избивали (в 1971 г. — “за кражу шубы” избили в милиции при жене и отце). В 1972 г. его арестовали на 15 суток за разговор на улице с иностранцем. В 1975 г. П.М. Нарича был арестован за то, что в день ареста отца вывесил лозунг в окне своей квартиры (Хр. 38). Тогда дело было через месяц прекращено.

* * *

“Хроника” 41 уже писала об отказе советских немцев от гражданства. По уточненным данным, весной 1976 г. 160 немцев, проживающих в Казахстане, и примерно столько же — в Киргизии заплатили в банк по 500 рублей пошлины за отказ от гражданства и отослали заявление об отказе от гражданства, квитанции об уплате пошлины, вызовы из ФРГ, заявления с просьбой разрешить выезд и паспорта в Президиум Верховного Совета своей республики.

Реакция властей: некоторым пенсионерам приостановили выплату пенсий, работающим — зарплаты. Отославших паспорта стали штрафовать. Власти грозятся завести уголовное дело на каждого “беспаспортного”.

1 июня, кроме Генриха Реймера (Хр. 41), были проведены обыски у Давида Реймера, Антона Блейле, Николааса Каснера и Витмайера. В тот же день Антон Блейле был арестован. По-видимому, ему предъявили ст. 170-1 УК Каз.ССР (= ст. 190-1 УК РСФСР).

20 июля за активное участие в движении немцев за выезд арестовали Лилию Андреевну Фурман (1951 г. р.). Ее обвинили по ст. 170-1 УК Каз.ССР. Она из “отославших”.

Обыск у Виктора Некипелова

22 июня Виктор Некипелов (Хр. 32), проживающий в г. Камешково Владимирской области, направил областному прокурору протест против непрекращающихся попыток местной милиции установить контроль над его жизнью (Хр. 40), в частности, против постоянных вызовов на “беседы”. Некипелов просил прокурора разъяснить, в течение какого срока по закону возможно вмешательство милиции в частную жизнь освободив-

шихся из заключения. 23 июля Владимирская областная прокуратура ответила:

”В соответствии с Положением о советской милиции на органы милиции возложено проведение воспитательно-профилактической работы с лицами, судимыми за умышленные преступления.

Конкретными сроками эта работа не ограничена”.

Нина Михайловна Комарова, жена Виктора Некипелова, на работе постоянно подвергается дискриминации и придиркам. В аптеке № 45 г. Камешково, где она работает химиком-аналитиком, ей неоднократно предлагали ”подыскать другую работу” или ”переехать в другой город”. Особое возмущение администрации вызывает неучастие Комаровой в общественной жизни аптеки и в выборах, отказ подписать соцобязательства и Стокгольмское воззвание. Аптечное управление (в отсутствие Комаровой) проверило ее работу и составило разносный акт, полный мелочных придирок. На Комарову наложили взыскание за прогул, хотя она в связи с болезнью ребенка взяла отпуск за свой счет. 13 сентября на совещании при областном Аптечном управлении работа Комаровой была признана неудовлетворительной, ей объявили выговор. Главное обвинение при обсуждении ее отчета: ”наличие на все собственного мнения” и отказ от взятия ”социалистических обязательств”.

23 сентября по постановлению прокурора Тихонова из Московской городской прокуратуры у Некипеловых был произведен обыск — ”по делу 46012/18-76”. На вопрос, ”что это за дело?” было разъяснено: по ”Хронике” и всему, что рядом с ней.

В протоколе обыска 57 пунктов. Изъяты ”Доктор Живаго” Б. Пастернака, ”Жить не по лжи” Солженицына, ”Политический дневник” Р. Медведева, стихи Натальи Горбаневской, Бориса Чичибабина и самого Некипелова (в том числе те, за которые он уже отсидел 2 года), парижский адрес Леонида Плюща, квитанции писем, отправленных за границу.

По окончании обыска Некипелов и его жена заявили протест против незаконного изъятия книг, писем, статей, заявлений. Протокол обыска они не подписали.

* * *

Рига. В ”Хронике” 41 сообщалось об обысках в Риге в июне-июле. Стал известен еще один обыск — у Алдиса Цериньша.

Виктора Калниньша, Владиса Зариньша, Гунара Фрейманиса и Алдиса Цериньша, а также их жен вызывали на допросы.

Кроме того, на допрос вызывали бывшего политзаключенного Карла Гринерта и его жену. Карла Гринерта считают организатором домашнего литературного вечера, на котором читали стихи Зариньша и Фрейманиса. На допросы или на "беседы" вызывали также присутствовавших на этом вечере.

Виктору Калниньшу, его жене Ирене Целминьш, Карлу Гринерту и его жене Ирене Гринерт сделали "предупреждение" по Указу от 25 декабря 1972 г. (Хр. 30, 32). В протоколе "предупреждения" указаны организация литературных вечеров и хранение литературы.

Владис Зариньш (1917 г. р.) в 1965 г. получил 7 лет по ст. 65 УК Лат.ССР (= ст. 70 УК РСФСР) за попытку передать на Запад свои стихи.

Карл Гринерт (ему около 50 лет) был арестован в 1946 г. за участие в партизанском движении. Сначала был приговорен к расстрелу. Несколько месяцев провел в камере смертников, но в это время вышел Указ об отмене смертной казни. Освобожден Гринерт в 1971 году.

Гунар Фрейманис (1929 г. р.) в заключении был дважды (в "Хронике" 41 тут неточность). Первый срок — 10 лет — он получил в конце войны по обвинению в участии в партизанском движении, будучи еще несовершеннолетним. В 1954 или 1955 г. его освободили "за отсутствием состава преступления". В 1964г. он получил 5 лет по ст. 65 УК Лат.ССР.

Виктор Калниньш (1937 г.р.) был арестован в начале 1962 г. Его судили в составе большой группы по ст. 59 УК Лат. ССР (= ст. 64 УК РСФСР). Их обвиняли в "попытке насильственного отделения Латвии от СССР". Виктор Калниньш получил 10 лет. Вышел в 1972 г. Его подельника Гунара Роде приговорили к 15 годам. В настоящее время Роде находится во Владимире (Хр. 40). (Генеральный Прокурор СССР Руденко в 1962 г. опротестовал приговор, вынесенный участникам группы, однако Верховный суд Латвийской ССР оставил приговор в силе.)

* * *

Туапсе. 10 сентября на берегу Голубой бухты наряд пограничников "в поисках рации" произвел обыск палатки, в которой жил Валерий Абрамкин (Хр. 41). К Абрамкину был при-

ставлен вооруженный солдат, проживавшим вместе с ним его знакомым (включая трехлетнюю девочку) запретили куда-либо уходить. Пограничники забрали пишущую машинку, магнитофон с кассетами, книги, рукописи, личные бумаги и передали все это прибывшему на место обыска зам. начальника КГБ г. Туапсе Борцову.

13 сентября В. Абрамкин послал прокурору г. Туапсе заявление, в котором опротестовал действия пограничников и работников КГБ, в частности то, что ему предложили подписать протокол предупреждения о совершении им "антиобщественных действий". Абрамкин пишет:

"Несмотря на мой протест, принадлежащие мне рукописи и книги без всякого предварительного изучения были названы в протоколе об изъятии "политически вредными". На основании такой явно незаконной квалификации книг и рукописей мне было предложено подписать еще один протокол о том, что я предупрежден о совершении мною "антиобщественных действий". Необходимо отметить, что хранение с целью ознакомления *любых* рукописей и печатных материалов в соответствии с существующим законодательством, Конституцией СССР, Пактами о правах человека, ратифицированными Верховным Советом СССР и пр., не подлежат никакому (в том числе и уголовному) преследованию и не подпадает под действие неопубликованного Указа Президиума Верховного Совета СССР о предупреждении за "антиобщественную деятельность".

Абрамкин потребовал также возвращения изъятых. Дня через три ему вернули магнитофон (без кассет), записные книжки и книги советского издания (кроме "Стенографического отчета о процессе Бухарина"). В КГБ остались "Архипелаг ГУЛаг", произведения Даниила Хармса, Заболоцкого, рукописи самого Абрамкина и пишущая машинка.

* * *

Ленинград. 24 сентября в 22 часа 30 минут в Ленинграде на Московском вокзале перед посадкой на поезд Ленинград-Москва был задержан, отведен в милицию и без всякого ордера обыскан Лев Александрович Рудкевич. У него ничего не было найдено. Он был отпущен и благополучно уехал.

Через три часа там же милицией был задержан при посадке

знакомый Рудкевича Александр Георгиевич Абрамов (Хр. 35). У него не оказалось с собой документов — его попросили "пройти". В привокзальном отделении милиционеры передали Абрамова капитану КГБ А. Ефимову. Перед началом обыска Абрамов услышал в соседней комнате следующие слова Ефимова, сказанные кому-то по телефону: "Ну что? Значит, оформим через милицию, как проверку документов и установление личности. Свидетелей мы найдем". Дальше Ефимов начал перечислять содержимое еще не обысканной сумки (!? — Хр.). Дойдя до статьи М. Бериташвили, Ефимов спросил: "А вот этого мы не знаем. Кто это такой?"

Затем Ефимов без всякого ордера произвел обыск багажа Абрамова и изъяс ряд документов. Никакого протокола составлено не было.

Возможно, что внимание к Рудкевичу и Абрамову было проявлено из-за того, что в день отъезда Рудкевич звонил в Москву Т.С. Ходорович и сообщил ей о своей поездке.

* * *

Одесса. Обстоятельства ареста Виктора Гончарова (Хр. 41) таковы: он арестован 15 июня в Одесском аэропорту при попытке купить билет в Якутию по фальшивому студенческому билету. Однако в деле Гончарова есть эпизоды, имеющие отношение к тематике "Хроники".

Чемоданчик, о котором шла речь в "Хронике" 41, пропал в первых числах мая не в Одессе, а в Москве из автоматической камеры хранения Киевского вокзала. Причина, быть может, объясняется тем, что Гончаров накануне укладывал этот чемоданчик на глазах у милиционера, пришедшего выселять его из Москвы как непрописанного. В чемоданчике кроме религиозной литературы было несколько машинописных копий статьи Солженицына "Жить не по лжи" и читательский билет Гончарова (настоящий).

Чемоданчик и его содержимое не фигурируют в материалах дела, но постоянно возникают в разговорах на следствии. Несколько известно, Гончаров выразил сожаление, что имел дело с публицистикой Солженицына.

Сергей Козилло, у которого Гончаров останавливался в Москве, под нажимом КГБ был уволен с работы в "Журнале Московской Патриархии".

Суд над Гончаровым, назначенный на 7 сентября, отложили сначала на 17 сентября, а потом — на 5 октября.

15 сентября знакомая В. Гончарова, 28-летняя студентка Одесского художественного училища Ирина Никанорова, была подвергнута непрерывному 16-часовому допросу по "конвейерному" методу: ее допрашивали, сменяясь, четыре следователя. При этом Никаноровой угрожали исключением из училища, увольнением родителей и т. д. В конце концов Никанорова под диктовку следователей записала следующие показания:

- Она, Никанорова, верующая;
- существует "группа верующих": она, В. Гончаров, П. Рейдман, С. Роденцев;
- среди них циркулирует религиозная литература;
- от Гончарова поступала не только религиозная литература; так, лично ей он давал читать "Архипелаг ГУЛаг";
- она признает антиобщественный характер этих отношений и своих поступков, обязуется этого больше не делать.

Весь текст показаний озаглавлен "Покаяние".

На третий день после допроса Ирина Никанорова письменно отказалась от всех своих показаний, заявив, что допрос привел ее в такое состояние, при котором она записала бы под диктовку следователя все что угодно.

В начале сентября библиотекарь школы № 1 г. Одессы Анна Васильевна Михайленко имела длительную беседу с сотрудниками Одесского и Ивано-Франковского управлений КГБ. Беседа происходила в номере гостиницы "Черное море".

Михайленко подробно рассказала своим собеседникам о занятиях "просветительского" семинара по истории украинского искусства, который вел Василий Барладяну (Хр. 41), о том, когда и у кого происходили эти занятия, о темах, поднимавшихся на семинаре (в основном, рассматривалось творчество умершего в 60-е годы украинского художника Юрия Жука). Она сообщила также состав участников семинара (были названы Виктор Гончаров, Анна Викторовна Голумбиевская (Хр. 34), Леонид Тымчук (Хр. 38), супруги Леонид и Валентина Серые) и кто и в каких отношениях находился между собой

и с Барладяну. Также заходила речь о знакомствах А.В. Михайленко на Западной Украине.

Михайленко объяснила впоследствии, что, "во-первых, в КГБ тоже есть хорошие люди, которые жаждут контакта с диссидентами", во-вторых, ей в свою очередь удалось узнать от них "ценные сведения", а именно: 1) ее предупредили, что в квартире Голумбиевской установлен микрофон, 2) ей передали совет для Барладяну "поскорее жениться на еврейке и уехать". А в-третьих, говорила Михайленко, ее рассказы не записывались.

Через день ее вновь вызвали и заставили записать все на бумагу и подписать.

В ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ

Свидание с Джемилевым

Мустафа Джемилев отправлен отбывать наказание (Хр. 40) на Дальний Восток. Его адрес: 692710. Приморский край, Хасанский район, ст. Приморск, п/я 267/26.

Этот район отнесен к пограничной зоне, так что приехать туда можно только с пропуском, выдаваемым милицией по месту жительства едущего при наличии вызова.

В середине сентября родственники Мустафы получили от него письмо с просьбой поскорее приехать на свидание, т. к. со здоровьем у него очень плохо. Вскоре пришел вызов от администрации. Однако в ташкентской городской милиции пропуск для поездки не выписали, заявив, что в вызове какой-то пункт оформлен неправильно.

29 сентября в Москве была отправлена телеграмма:

Москва К-9 Огарева 6 Министру
внутренних дел Щелокову

Ташкентская милиция не пускает родственников Мустафы Джемилева поездку свидание зпт им отказали пропуске Приморский край несмотря на наличие вызова администрации исправительно-трудовой колонии тчк Состояние здоровья Мустафы угрожающее зпт может быть это последнее

свидание тчк Просим вашего содействия срочного разрешения поездки

Боннэр Великанова Лавут Сахаров

На следующий день родственники Мустафы получили от работника МВД Уз.ССР Иманова заверение, что они могут немедленно получить пропуск. Сразу после этого разговора их принял начальник городской милиции Малюшко. Он сказал, не вспоминая уже ни о каких неточностях в документах, что пропуск выдан не будет и что Иманов не в курсе дела — "не все знает". "Джемилеву свидание вовсе не обязательно", — сказал Малюшко.

30 сентября А. Сахаров сделал заявление, адресованное в "Международную Амнистию", в ООН, руководителям государств и политических партий, а также всем, кто борется за права человека.

Напоминая о десятидневной голодовке Джемилева и его осуждению по сфабрикованному обвинению, Сахаров призывает: "Требуйте от советских властей немедленного освобождения Джемилева для лечения его в условиях свободы, которое одно может его спасти".

В начале октября свидание Мустафы с братом и сестрой все-таки состоялось. Они нашли, что его состояние улучшилось.

Владимирская тюрьма

2 мая в знак солидарности с участниками "Марша свободы" в США политзаключенные держали однодневную голодовку.

Аналогичную акцию предприняли политзаключенные Мордовских и Пермских лагерей (см. ниже, см. также "В Пермских лагерях" в Хр. 40).

О предстоящем "Марше свободы" заключенные заблаговременно узнали из газеты "Правда".

* * *

26 августа тюрьму посетили заместитель прокурора Владимирской области Дроздов и прокурор по надзору Образцов. Политзаключенные одной из камер заговорили с ними о соблюдении законности. Дроздов сказал, что это было бы слишком накладно, слишком дорого для государства.

* * *

В конце лета политзаключенных стали переводить в 4 корпус (до этого они находились во всех четырех корпусах).

* * *

По тюремному радио объявили о новом порядке жалоб. Отныне жалобы на тюремные ситуации будут отправляться только во Владимирскую прокуратуру и инстанции, которым она подчинена; жалобы по поводу следствия, суда и приговора — только в прокуратуру по месту суда и вышестоящие организации; остальные жалобы — лишь в те организации, которые организация тюрьмы сочтет компетентными для решения поставленных в жалобах вопросов.

* * *

С апреля в карцере в "голодный день" по утрам стали выдавать миску горячего супа.

* * *

У заключенных, находящихся на строгом режиме, от недоедания опухают суставы пальцев рук, появляются отеки и покраснения на теле.

* * *

18 августа у Владимира Буковского кончился шестимесячный срок пребывания на строгом режиме. Конец этого срока он провел в карцере.

19 августа он получил свидание с матерью. В сообщении для печати Нина Ивановна Буковская пишет:

"... Вид его был страшен — настолько нечеловечески ужасно он был худ. Такие лица, когда все кости черепа буквально обтянуты кожей, а руки и шея выглядят, как у пятилетнего ребенка, мне приходилось видеть лишь на газетных фотографиях узников Освенцима... От этого же "воспитателя" Дойникова я узнала, что водворен в карцер мой сын был за то, что пытался отправить "нелегальным" образом письмо ко мне. Как известно, "легальным" образом, т. е. через тюремную цензуру, ему уже *девять месяцев* не дают возможности это сделать... Он заявил мне, что ему разрешено сказать мне лишь то, что в данное время он не держит голодовку и не содержится в одиночке. Сын сообщил мне также, что в последнее время он был полностью отрезан от внешнего мира: все его жалобы в надзорные инстанции неизменно конфисковывались (за один только месяц было конфиско-

вано 15 жалоб). Ему не разрешали даже написать его адвокату Владимиру Швейскому. На свидании меня поразили, однако, бодрость сына, его удивительное спокойствие, живой блеск его глаз... Сколько же времени будут еще истязать моего больного сына только за то, что он открыто высказал свои личные убеждения и заступился за других людей?!”.

Нина Ивановна сообщила сыну на свидании, что в его защиту выступили парламенты трех стран и Папа Римский.

Срок пребывания в тюрьме у Буковского кончается в мае 1977 года, пребывание в лагере – в марте 1978 года. Затем ему еще предстоят 5 лет ссылки.

За какую-то жалобу его лишили очередного свидания, которое должно было состояться через полгода – в феврале 1977 года.

* * *

С конца апреля Николай Бондарь (Хр. 33) месяц был в больнице. После больницы его поместили в самую населенную камеру (8 человек). Бондарь потребовал, чтобы его, ввиду плохого состояния здоровья, перевели в одиночку. В конце мая он объявил голодовку. 7 июля, после сорокадневной голодовки, его перевели в камеру с одним соседом.

* * *

У Суперфина 26 августа кончился трехмесячный строгий режим. У него по вечерам опухают ноги, плохо с желудком, с печенью, постоянные боли.

* * *

В августе большую группу политзаключенных за отказ от работы, пропустив через 10-15 суток карцера, перевели на два месяца на строгий режим. Это – Абанькин, Сафронов, Давыдов, Шакиров, Роде, Афанасьев, Пашнин и Любарский.

* * *

Хноха перевели на строгий режим, но вскоре были вынуждены поместить его в больницу.

* * *

Состояние здоровья Сусленского продолжает оставаться очень тяжелым (Хр. 41). В начале сентября его положили в больницу. Прямо оттуда его поместили в карцер. Его семилетний срок кончается 29 января 1977 года, тем не менее он настоль-

ко плохо себя чувствует, что просит, чтобы ходатайствовали о его досрочном освобождении.

* * *

В июле и августе Макаренко лишили ларька. В середине августа, после не то десяти, не то пятнадцати суток карцера, его перевели на строгий режим. Конец срока у него — в мае 1977 года. Ему постоянно угрожают продлением срока.

* * *

В июне 20 дней голодал Константиновский (Хр. 40).

* * *

В середине сентября объявил голодовку Пашнин. Среди его требований: убрать капитана Дойникова, как провокатора и истязателя, урегулировать проблему переписки.

* * *

Федоренко продолжает голодовку, начатую 10 декабря 1975 г. (Хр. 38-40). Его кормят принудительно.

Летом 1976 г. он на 10 дней, на время лечения, прервал голодовку, причем заранее предупредил, что прерывает ее временно.

* * *

У Будулак-Шарыгина — тяжелая гипертония, верхнее давление 220. Необходимая ему бессолевая диета не дается.

У Сергиенко постоянно держится повышенная температура. "Хроника" 41 сообщала, что его сняли с учета по туберкулезу.

* * *

После того как Георгий Давыдов много раз был вынужден переписывать письмо жене (Хр. 40), 1 апреля он написал ей короткое письмо. В письме был только перечень полученных писем. В свое письмо он вложил также вырезанные из журналов картинки для дочки и прошедшее цензуру письмо от жены. Однако его письмо опять не было пропущено. Тогда Давыдов отказался вести дальнейшую переписку.

* * *

Во Владимирскую тюрьму из Пермских лагерей переведены Багра́т Шахвердя́н (из 35 лагеря) и Степа́н Сапе́ляк (из 36 лагеря).

Шахвердяну назначено 4 месяца строгого режима.

Мордовские лагеря

1 лагерь (особый режим).

В "Хронике" 41 сообщалось, что в конце мая Иван Гель объявил голодовку. Голодовку он держал до сентября. Она проходила в очень тяжелых условиях: его не отправили в больницу, а поместили в одиночку; принудительное кормление ему делали раз в неделю, с августа — 2 раза в неделю.

Своей голодовкой Гель добивался также улучшения жилищных условий своей семьи: его жена Мария с дочерью и ее брат Тарас живут в одной полуподвальной комнате без удобств и без кухни.

В начале сентября Марию Гель вызвали в Львовский КГБ, где ей заявили, что в комитете имеется фотокопия заявления ее мужа, написанного в лагере и переписанного ее рукой. В связи с этим Марию и Тараса ежедневно подвергали многочасовым допросам, сопровождавшимся запугиванием и шантажом. В частности, Тарасу грозили, что его лишат полученного недавно университетского диплома и выгонят с работы, если он не расскажет о роли сестры в передаче информации из лагеря. В результате на допросе у Тараса начался сердечный приступ и он был отвезен в больницу, где его оставили с диагнозом "микрострофаркт".

Марию предупредили, что она не должна рассказывать о допросах, но она отказалась сохранять их в тайне и сообщила обо всем происходящем в Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Руководитель Группы Ю. Орлов организовал пресс-конференцию иностранных корреспондентов, на которой было сообщено о голодовке И. Геля и о преследованиях его семьи и было объявлено, что член Группы А. Гинзбург и В. Турчин выедут по поручению Группы во Львов к Марии Гель. Со времени их приезда вызовы Марии в КГБ прекратились, а через несколько дней стало известно, что Иван Гель снял голодовку. Вскоре он был отправлен из Мордовии во Львов, где его жене и родственникам было обещано очередное общее свидание.

* * *

В "Хронике" 41 сообщалось, что за отказ перейти в камеру к уголовникам Богдан Ребрик был избит и посажен в одиночку.

По выходе из одиночки его поместили в камеру к политзаключенным-украинцам.

Известно, что начальник лагеря Кропотов велел подготовить одиночку до того, как Ребрику было предложено перейти к уголовникам.

* * *

7 августа Нина Антоновна Строкатова имела общее свидание со своим мужем Святославом Иосифовичем Караванским. Поскольку она находится под административным надзором (Хр. 39), ей требовалось разрешение на поездку на свидание. Разрешение после двух отказов низших инстанций она получила только из МВД СССР.

Перед свиданием со Строкатовой беседовал ст. лейтенант КГБ Тирин, представитель КГБ в лагере. Тирин попросил Строкатову: "Ваш муж не должен ничего говорить о положении в лагере. Если он будет говорить об этом, остановите его". Тирин заявил также: "Мы готовы пойти на любой компромисс, чтобы было хорошо и вам, и нам".

Караванский по состоянию здоровья (у него очень высокое давление) освобожден от работы, поскольку ему вреден сильный шум. Его срок по последнему приговору кончается в 1979 году.

* * *

В 1 лагере отбывает наказание Николай Андреевич Евграфов (1930 г. р., украинец, образование – 3 класса).

В 1966-1973 гг. он уже отбыл 7 лет по части 1 ст. 62 УК УССР (= ст. 70 УК РСФСР). После освобождения жил в Славянске (Донецкая обл.), работал грузчиком.

29 апреля 1975 г. Донецкий областной суд под председательством Зинченко приговорил Евграфова по ч. 2 ст. 62 УК УССР к 10 годам лагерей особого режима. Обвинителем был прокурор Ю.П. Носков, защитником – Ю.П. Алексебин. Заседание суда официально было объявлено закрытым (мотивировка "Хроника" не известна).

В приговоре Евграфову инкриминируется написание работы "Правда о неправде", распространение ее (дал почитать трем знакомым) и разговоры, высказывания "антисоветского", "клеветнического" содержания.

О названной работе в приговоре говорится:

”Подсудимый, используя привезенные из мест заключения конспекты с антисоветскими высказываниями зарубежных реакционных социологов, философов и экономистов, в 1974 г. написал антисоветский пасквиль... В нем фальсифицируется учение марксизма-ленинизма, возводится клевета на советскую экономику, национальную политику советского государства и мировое коммунистическое движение”.

Об ”антисоветских высказываниях” в приговоре, в частности, сказано: ”... восхвалял украинских буржуазных националистов, восхвалял порядок и строй в капиталистических странах...”.

Дата ареста Евграфова (и, соответственно, дата конца срока) ”Хронике” не известна.

* * *

3 лагерь (мужская зона).

Из 17 лагеря переведен Паруйр Айрикян.

3 лагерь (женская зона).

В ”Хронике” 41 сообщалось, что в середине марта Ирину Сеник, несмотря на то, что она в этот момент находилась в состоянии гипертонического криза, водворили в ШИЗО.

Протестуя против помещения больной Сеник в ШИЗО, женщины-политзаключенные начали голодовку. Через 4 суток (вместо назначенных 15) Сеник вернули в зону.

* * *

В апреле Стефанию Шабатуру на 6 месяцев поместили в ПКТ. Срок лагерного заключения Шабатуры истекает в январе 1977 года. Ей предстоит еще 3 года ссылки.

* * *

С июля 1975 г. Ирина Стасив-Калинец работает дневальной. Эта работа оплачивается половиной ставки — 15 рублей в месяц. После вычетов на ”содержание охраны”, питание и одежду денег на ларек ей не остается. Жалобы Ирины в прокуратуру и другие советские инстанции не дали результата. Ее жалобы в международные организации администрацией не пропускаются.

17 лагерь

2 мая в однодневной голодовке солидарности с участниками

”Марша свободы” в США участвовали Василий Стус, Михаил Хейфец и Азат Аршакян.

* * *

В мае-июне Стусу, который после операции (Хр. 39) чувствует себя еще плохо, предложили лечь в больницу для продления инвалидности, но поставили условие: без книг и не посылать домой стихи. Стус отказался. Тогда его отправили в больницу в наручниках. Стус написал жалобу на грубое обращение.

Летом у Стуса изъяли более 300 его стихотворений, написанных им в лагере. При ликвидации политзоны (см. ниже) были изъяты еще около 300 его переводов из Гете, Рильке, Киплинга и других поэтов.

В июне-августе у Стуса конфисковали три письма подряд, как содержащие ”условности”. В первом из этих писем ”условность” была усмотрена в стихотворении самого Стуса, во втором — в переведенном Стусом стихотворении Бодлера, в третьем — в стихах Шевченко.

* * *

В августе ”политическая” зона 17 лагеря была расформирована. Политзаключенных перевели в 3-й и 19-й лагеря.

19 лагерь.

Из больницы Стуса привезли в 19 лагерь. Здесь ему предъявили акт об уничтожении 600 изъятых у него стихотворений — т. е. всего написанного им в лагере. Ему начали устраивать ежедневные обыски: раздевали догола, заставляли приседать. Стус заявил протест, перестал вставать в строй на перекличку. Его поместили в ШИЗО, где продержали 14 суток.

Несколько политзаключенных написали заявление в прокуратуру и в КГБ по поводу жестокого обращения со Стусом, а также ходили к лагерному начальству. Они просили хотя бы смягчить для больного Стуса карцерный режим: выдать ему постель, улучшить питание. Получив отказ, 4 человека — Солдатов, Пенсон, Хейфец и Юскевич—объявили частичную голодовку (без горячей пищи). Голодовка продолжалась 4 дня.

* * *

В однодневной голодовке солидарности с участниками ”Марша свободы” в США участвовали Владимир Осипов, Александр

Болонкин, Сергей Солдатов и Размик Маркосян.

* * *

За отказ от работы Юрия Храмцова, несмотря на то, что он инвалид 2 группы, сажают в ШИЗО. В марте он отсидел в ШИЗО 10 суток, в июле-августе – 13 суток.

Состояние его здоровья очень плохое.

* * *

За отказ от посещения политзанятий наказаны Осипов, Болонкин, Солдатов, Маркосян и Василий Долишний.

* * *

В 19 лагерь из 17-го переведен Рейнхольд. Весной 1976 г. его в 17 лагере за непосещение политзанятий тоже сажали на 14 суток в ШИЗО.

Пермские лагеря

35 лагерь.

Дневник 35 лагеря (продолжение – см. Хр. 33, 36, 38, 39, 41).

19 мая по рапорту Чайки Залмансона лишили ларька и посылки. По рапорту Николаева лишили ларька и посылки Савчина и Верхоляка. Наказание, ранее назначенное Верхоляку, отменено начальником лагеря Пименовым как "слишком мягкое".

Вечером освобожден из ПКТ Зограбян. В течение последнего месяца он получал только по 450 грамм хлеба в день, без горячей пищи.

20 мая утром Зограбян выведен на работу – на прежнее место слесарем (о его борьбе за перевод на эту работу см. Хр. 39). В 14 час. 30 мин. ему стало плохо (физическое и нервное истощение, гастрит, падение сердечной деятельности). Заключение потребовали у дежурного офицера Сидякова врача, но безрезультатно. Лишь в 17 часов Зограбян попал на прием к фельдшеру.

21 мая определением районного суда в связи с онкологическим заболеванием освобожден "полицией" Химушкин.

22 мая в зону из ШИЗО 36 лагеря вернулся Пронюк. В мае ему сообщили из ГУИТУ, что его заявление XXV съезду КПСС не было отправлено адресату.

23 мая из 37 лагеря привезен и водворен в ШИЗО на 10 суток Гимпу.

24 мая лейтенант Кузнецов сказал бывшему карателю Василию Хохлову, что из-за плохой работы заключенных он не может приобрести автомобиль.

25 мая по рапорту Николаева лишили ларька и посылки Шахвердяна (из-за грыжи он отказался работать токарем). По рапорту Кузнецова о "грубости" Бутмана его тоже лишили ларька и посылки. За "отказ от работы" наказан Захарченко.

27 мая в лагерь из Львова вернулся Игорь Калинец. По дороге его ограбили сначала уголовники, с которыми его везли, потом – конвоиры.

28 мая главный врач больницы г. Скальный В.Я. Куверден осмотрел Шахвердяна и Николая Мармуса. Подтвердив у Шахвердяна грыжу и указав на необходимость операции, он, тем не менее, отказал ему в освобождении от тяжелых работ, сказав: "У нас много шахтеров работают с грыжами и ничего – рекорды ставят". Признав у Мармуса варикозное расширение вен на ногах, он также отказал ему в освобождении от станка и посоветовал "работать сидя". Стало известно, что администрация 35 лагеря и УКГБ г. Скальный просила Кувердена не давать заключенным освобождения от работы, так как лагерь не выполняет план. Сразу после этого "медосмотра" Пименов за "отказ от работы" на 7 суток поместил Шахвердяна в ШИЗО. Перед водворением в ШИЗО Шахвердян подал заявление в Международный Красный Крест с просьбой о помощи. Это заявление администрацией не было отправлено.

31 мая заключенные Альтман, Ассельбаумс, Бутман, Верхоляк, Глузман, Грабанс, Залмансон, Захарченко, Калинец, Кивило, Кийренд, Зограбян, Марченко, Микитко, Мотрюк, Пришляк, Пронюк, Савчин, Светличный, Сорока и Шовковский провели одностороннюю голодовку. Каждый из них послал в Отдел административных органов ЦК КПСС следующее заявление:

"Сознательное нарушение советской законности лагадминистрацией, в последнее время вновь принявшее систематический характер и имеющее прямой целью нанесение ущерба здоровью заключенных, как это имеет место в случае с репрессированием Б. Шахвердяна, Р. Зограбяна и др., безрезультатность всех прежних попыток заключенных добиться

контроля над ситуацией со стороны надзорных инстанций и КГБ, откровенно устраняемых или самоустраняющихся от существующих проблем, хроническое недоедание, обусловленное исправительно-трудовым законом, отсутствие необходимых медикаментов вынуждают меня обратиться к властям СССР с требованием допустить в ИТУ ВС 389/35 представителей Международного Красного Креста, в течение многих лет тщетно пытающихся выполнить свои функции в отношении советских политзаключенных.

В поддержку этого требования сегодня, 31 мая 1976 года, объявляю голодовку”.

Заявление с аналогичным требованием послали не участвовавшие по состоянию здоровья в голодовке Басараб, Мамчур, Черкавский и Пидгородецкий.

В заявлении Басараба сказано:

”Я, военнопленный, рядовой боец УПА, проведенный в заключении в лагерях 23 года и доведенный до полного изнеможения и потери здоровья (перенес уже два инфаркта), присоединяю свой голос к требованиям... Бесчинства местной администрации дошли до крайнего предела: только за одно мое заявление, которое даже не было послано по адресу, я получил 10 суток карцера...”.

В заявлении Пидгородецкого сказано:

”Подписав Хельсинкское соглашение и провозгласив на весь мир идеи мира, мирного сосуществования и гуманизма, Советский Союз должен подтвердить это своими делами. В первую очередь необходимо допустить комиссию Международного Красного Креста... За 24 года пребывания в советских лагерях и тюрьмах я ни одного раза не видел тут представителей этих организаций, тогда как в другие страны, даже в Чили, они имеют свободный доступ...”

Июнь. Капитан Поляков стал исполнять обязанности начальника 35 лагеря вместо майора Пименова.

Резко ухудшилось питание. Наряду с уже привычной баландой из мороженой капусты и рыбы, зеленый цвет и специфический запах которой не пропадают даже при длительной термической обработке, ухудшилось качество хлеба: он стал консистенции и цвета глины.

Иван Светличный болен церебральной гипертонией (стадии 1 "А" и 1 "Б") с ангиоспазмами. Постоянные сильные головные боли. Есть основания предполагать, что у него повышенное внутричерепное давление. Врач прописал ему инъекции магнезии, но сестра сказала, что магнезии давно нет. Вместо магнезии Светличному стали делать инъекции платифилина, но его тоже хватило только на три инъекции. Резкие провалы памяти. Часто не может сосредоточиться. *Светличный просит квалифицированного медицинского совета, учитывающего условия, в которых он находится.*

Резко ухудшилось состояние Пронюка. На рентгене у него в правом легком началось кровохарканье. Тем не менее, администрация по-прежнему требует от него выполнения нормы.

2 июня из ШИЗО вышел Гимпу.

4 июня к Шахвердяну в ШИЗО пришли члены районной наблюдательной комиссии. Они сказали ему, что за невыполнение нормы и нарушение режима комиссия будет рекомендовать перевести его в тюрьму. Шахвердян выразил комиссии благодарность за проявленный по отношению к нему гуманизм, так как дальнейшее пребывание в 35 лагере повлечет за собой новые репрессии и может закончиться для него инвалидностью. Пришедшие несколько раз называли Шахвердяна Бутманом и приписывали ему некоторые моменты из жизни последнего.

5 июня "за нарушение трудовой дисциплины" Поляков третий раз подряд лишил свидания Захарченко.

7 июня на личное свидание к Бутману приехала его мать. Свидание было проведено в комнате свиданий 37 лагеря, в 7 км от 35 лагеря. Официальное объяснение: комната свиданий 35 лагеря занята, нет мест. По-видимому, настоящая причина — неполадки с подслушивающей аппаратурой. Свидание разрешили всего на одни сутки.

За отказ работать на станке Мармус по трем рапортам был одновременно лишен свидания, ларька и посылки.

8 июня по рапорту Шилина ("рано закончил работу") лишен ларька и посылки Калинец. За чтение в рабочее время наказан Захарченко. Капитан медицинской службы Сягий из медотдела Пермского УВД беседовал с заключенными, голодавшими 31 мая. Он согласился с обоснованностью претензий в отношении быта и медицинского обслуживания и признал наказа-

ния Мармуса и Шахвердяна противозаконными.

9 июня Мармус и Шахвердян переведены на работу в швейный цех, однако назначенные им ранее наказания не отменены.

Цензор Колесниченко объявила Валерию Марченко о конфискации его заявления в Институт нефрологии как клеветнического. (Марченко с юношеских лет болен хроническим нефритом. До ареста несколько раз лежал из-за этого в больнице. После ареста в июне 1973 г., особенно в последние год-два, его здоровье сильно ухудшилось.)

11 июня Шуляк и Савчин этапированы в 37 лагерь.

12 июня. Свидание Глузмана с родителями перенесено в 37 лагерь. Официальное объяснение: неисправность канализации.

15 июня. Свидание Залмансона перенесено в 37 лагерь.

16 июня по рапорту Губарева Кытманов наказал Зограбяна за "нарушение трудовой дисциплины" (12 июня в рабочее время стирал носки).

19 июня работник КГБ Шукин спросил Шахвердяна, не изменил ли он свои убеждения. Шахвердян ответил отрицательно.

20 июня заключенный Яков Крючков навязал Ассельбаумсу разговор, в котором рассказал, что Мильберг, отсидевший 25 лет за желание уехать из СССР, после освобождения был помещен в психиатрическую больницу. По-видимому, этот разговор — попытка запугать Ассельбаумса, заявившего о своем желании уехать из СССР.

21 июня по рапорту Чайки Кытманов лишил Пронюка ларька за отказ выполнить приказание дежурного офицера. Гимпу подал заявление, в котором просил разрешения получить из дому желудочный сок (у него нулевая кислотность, он — инвалид 2 группы, а в лагере сока нет). Начальник медицинской службы Пермских лагерей Ярунин поддержал его просьбу, но Поляков отказал, написав на заявлении: "Центральная больница обеспечена всеми медикаментами".

22 июня выездной суд г. Чусового перевел Шахвердяна во Владимирскую тюрьму. Из лагеря этапирован Хромченко. Баланда была совершенно несъедобна, так как была приготовлена на бульоне из разлагающейся гребухи.

26 июня на заседании оперчасти заключенный Кактитс заявил, что питание ухудшилось, потому что "молодежь много протестует, вот и дописались". Особенно злобно подобные разговоры

вел работающий поваром заключенный Дзенис.

28 июня из лагеря этапирован Гурный.

1 июля у Светличного гипертонический криз с рвотой и другими мозговыми явлениями.

2 июля по настоянию врача-консультанта Утыро, несмотря на противодействие врача Соломиной, госпитализирован Пронюк.

4 июля состоялся митинг политзаключенных по случаю двухсотлетия Соединенных Штатов Америки. Несколько заключенных сделали короткие сообщения об истории и политике США, о государственном строе США.

* * *

Не считая Альтмана, Бутмана и Залмансона, ведущих регулярную переписку с Израилем, письма из-за границы получили следующие политзаключенные: Светличный (в 1975 г. — из ФРГ от Анны-Гали Горбач; в 1976 г. — из Филадельфии от семьи Геврык и из Рио-де-Жанейро от Веры Селянской), Глузман (в 1975 г. — из Израиля от Евы Бутман; в 1976 г. — из ФРГ от Евы Курц и из Вены от Иосифа Мешенера), Калинец (в 1975 г. — из ФРГ от Анны-Гали Горбач два письма; в 1976 г. — от нее же два письма), Огурцов (в 1976 г. — из Польши), Евгений Пришляк (от брата Ярослава из Монреаля: в 1963 г. — 3 письма, в 1964 г. — 1 письмо, в 1965 г. — 1, в 1966 — 1, в 1967 — 1, в 1968 г. — 2, в 1969 — 1, в 1974 — 1, в 1976 — 1) и Курциновский (за весь срок — 3 письма из Франции от сестры).

* * *

5 июля на личное свидание с Мирославом Симичем приехали его жена и двое детей (4 года и 8 лет). Симич в заключении с 1949 года (см. ниже его письмо). Им сначала дали трехсуточное свидание, но потом оно было неожиданно сокращено до двух суток.

Добираться от железнодорожной станции Чусовая до поселка Всесвятское, в котором расположен 35 лагерь, очень трудно. Шофер попутной машины, подвезший жену Симича с детьми, сказал ей, что за помощь родственникам политзаключенных их наказывают.

* * *

В "Хронике" 41 уже писалось о свидании Валерия Марченко с матерью. Сообщаем уточненные данные.

6 июля мать Валерия, с трудом добравшись от станции Чусо-

вая до Всесвятского, услышала от администрации 35 лагеря, что свидание состоится в 36 лагере, который расположен в пос. Кучино, в 100 км от Всесвятского.

Администрация 36 лагеря допытывалась у матери Валерия, как она добралась от Всесвятского до Кучино, кто ее вез.

Валерия Марченко везли в Кучино в воронке. Клетка, в которой он находился, наполнилась выхлопными газами. Поскольку охранники закрыли небольшое окошечко его клетки, он задыхался. На просьбу Валерия открыть окошечко охранники ответили: "Тебя самого надо раскатать и выбросить". Лишь после того, как Валерий достучался до ехавшего в кабине офицера, окошечко открыли. По приезде Валерий несколько часов не мог отдышаться. Когда мать Марченко после свидания рассказала офицеру Микунову, как везли ее сына, он ответил, что Марченко врет: охранники – комсомольцы, они не могли так себя вести.

Свидание Валерию и его матери было дано двухсуточное. В комнату, где происходило свидание, несколько раз заходили: все ли в порядке? в порядке ли водопровод? и т. п.

Через 18 часов после начала свидания в комнату неожиданно ворвались 8 человек. Свидание прекратили. Марченко увели. Начали обыск: что-то искали в миске с супом, в банке с консервами, развинчивали даже водопроводные трубы... В чемодане матери обнаружили 129 рублей, которые она припасла на обратную дорогу. Ей заявили, что она хотела их нелегально передать сыну. Деньги забрали, не дав никакого документа об их изъятии. На этом свидание кончилось.

Валерий Марченко родился в Киеве в 1947 году. Его дед – известный украинский историк, профессор Киевского университета Михаил Марченко. Его родители – преподаватели украинского языка и литературы. В 1970 г. Валерий кончил украинское отделение филологического отделения КГУ. С сентября 1970 г. по июнь 1973 г. Марченко работал литературным сотрудником газеты "Литературная Украина". Одновременно он преподавал в школе украинский язык и литературу, переводил с азербайджанского на украинский, занимался научной работой.

25 июня 1973 г. Валерий Марченко был арестован органами КГБ. 29 декабря 1973 г. Киевский областной суд под председательством Завгородни приговорил его за "антисоветскую аги-

тацию и пропаганду” к 6 годам лагерей строгого режима и 2 годам ссылки. Обвинителем был прокурор Силенко.

В приговоре Марченко обвиняется в том, что “под влиянием националистических убеждений, которые сложились у него в результате ознакомления с нелегальной антисоветской литературой и прослушивания враждебных передач заграничных радиостанций, и неправильного понимания отдельных вопросов национальной политики советского государства с конца 1965 года по 1973 год с целью подрыва и ослабления советской власти он систематически занимался враждебной по отношению к советскому обществу деятельностью — в устной форме распространял клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, изготовлял, хранил и распространял документы антисоветского, националистического содержания со злобными нападками на советскую действительность, национальную политику КПСС и с призывами к борьбе против советской власти. Враждебные документы, автором которых он был, он неоднократно пытался передать за границу для опубликования их в антисоветской националистической прессе”.

Конкретно кроме “устного распространения” Валерию Марченко инкриминированы 3 его собственные работы и распространение работы Дзюбы “Интернационализм или русификация” (дал почитать трем знакомым).

В лагере Марченко, несмотря на тяжелые условия и плохое состояние здоровья, переводит с английского на украинский, занимается публицистикой.

Болезнь Марченко (хронический нефрит) прогрессирует. В лагере он стал инвалидом. В лагере нет нужных ему лекарств, а лекарства, которые посылает мать, отсылают обратно.

Шесть дней в неделю с 9 до 18 часов его заставляют шить мешки. За невыполнение нормы лишают ларька. В результате Марченко пользуется ларьком только 4-5 месяцев в году. Когда мать Марченко сказала администрации лагеря, что ее сын катастрофически худ, ей ответили: а что вы хотите — он ведь не выполняет норму.

* * *

Летом 1976 г. Иван Светличный лежал на обследовании в лагерьной больнице. После выхода из больницы его сняли с должности библиотекаря (на нее назначен "вольный") и послали на пресс — на работу, совершенно недопустимую по состоянию его здоровья (см. выше).

* * *

1 августа, в годовщину окончания Хельсинкского совещания, 27 заключенных — Ассельбауме, Альтман, Басараб, Бутман, Верхоляк, Гимпу, Глузман, Грабанс, Залмансон, Захарченко, Зограбян, Калинец, Кивило, Кийренд, Коваленко, Марченко, Машков, Микитко, Мотрюк, Огурцов, Пидгородецкий, Пришляк, Пронюк, Светличный, Сорока, Шахвердян, Шовковский — держали голодовку (см. также "37 лагерь").

36 лагерь.

Лагерь расположен на болоте. Поэтому вода, особенно на работе, непригодна не только для питья, но и для умывания. В бане вода совершенно ржавая. От этой воды на умывальнике остаются грязные следы. При стирке белье от нее — ржавое. Комиссии, приезжавшие по жалобам заключенных, и нач. медслужбы ВС-389 майор Ярунин признавали, что вода плохая, но заявляли: ничего не поделаешь — тут болото.

Уборные расположены метрах в ста от жилых барачков. Зимой это расстояние ощутимо, особенно для инвалидов. Уборные не отапливаются.

В ПКТ и ШИЗО канализация и водопровод оборудованы в каждой камере следующим образом: вместо унитаза — воронка, закрываемая крышкой; над ней раковина с отверстием, закрываемым пробкой; над раковиной водопроводная труба, кран от которой в коридоре. Утром и вечером надзиратель ненадолго открывает кран. В остальное время его надо об этом специально просить.

Работа (изготовление элементов утюгов) происходит в двух цехах. 1 цех — горячий, официально "вредный", здесь происходит монтаж. 2 цех — с тремя грохочущими прессами и станками-полуавтоматами. Работа очень грязная. Никакого душа после работы нет. Раз в неделю по субботам — баня. По воскресеньям — индивидуальная стирка. Простое мыло в бане выдается.

Туалетное — продается в ларьке в счет лимита.

* * *

”Хроника” 41 уже сообщала, что в мае Ковалева снова посадили в ШИЗО. В середине мая Ковалеву предъявили кипу актов о нарушениях режима. В одном из них говорилось, что 30 апреля он утром на 10 минут опоздал на развод. На самом деле утром 30 апреля при построении на работу Ковалев, почувствовав себя плохо, спросил у дежурного офицера Ляпунова разрешения пойти к врачу. Тот промолчал. Ковалев, не застав врача на месте, тут же вернулся на развод и пошел на работу.

В тот же день позднее врач освободил его от работы. Остальные нарушения были такого же характера.

После назначенных 7 суток ШИЗО Ковалеву сразу же добавили еще 3 суток за следующие нарушения: недостаточно быстро собрался в ШИЗО; опоздал в рабочую камеру (дописывал с разрешения надзирателя заявление); во время обыска пытался, применив силу к прапорщику Титову, прорваться в камеру (на самом деле Ковалев, когда его вывели на время обыска в коридор, сказал, что обыск должен проводиться в его присутствии).

В знак протеста Ковалев начал сухую голодовку. Зам. нач. по режиму Федоров пришел к нему в камеру, угрожал ему ПКТ и тюрьмой. Ковалев написал несколько заявлений. В заявлении, адресованном майору Истомину (своему бывшему следователю, сотруднику пермского УКГБ), Ковалев написал о необоснованных наказаниях и угрозах и заявил, что он будет вынужден прибегнуть к самым решительным формам протеста. Многие заключенные заявили протест против продления Ковалеву срока ШИЗО. Евгений Сверстюк объявил голодовку.

В июне Истомин приезжал в 36 лагерь и беседовал с Ковалевым. После этого визита придирки к Ковалеву почти прекратились.

Ковалев обращался к лагерным врачам с просьбой направить его в ленинградскую больницу для заключенных, чтобы ему сделали операцию. (У него тяжелая форма геморроя, с сильными кровотечениями. Перед арестом он уже имел направление на операцию.) Врачи, в том числе майор Ярунин, ответили, что на их памяти не было такого, чтобы политзаключенного туда возили, и не будет. Начальник санчасти 36 лагеря Петров

сказал Ковалеву: "Будем лечить, если будете себя хорошо вести".

4 октября Ковалев получил двухчасовое свидание с женой Л. Ю. Бойцовой. Приехавшему вместе с ней А.П. Лавуту участвовать в свидании не разрешили. Во время свидания Ковалев рассказал, что представители администрации лагеря спрашивали его, хочет ли он повидаться с А.Д. Сахаровым. Бойцова сказала, что Андрей Дмитриевич собирался приехать на свидание. Надзиравший за свиданием капитан Рак вмешался: "Об Андрее Дмитриевиче говорить не надо".

После свидания Бойцову и Лавуту принял начальник лагеря майор Журавков вместе с другими представителями администрации. Бойцовой разрешили передать для Ковалева лекарства и фотографии детей. Журавков сказал, что Ковалев "с трудом привыкает к режиму" и что он пытался "учить администрацию законам" и "затягивать с ней тяжбу". Журавков посоветовал Бойцовой повлиять на своего мужа. "Если его взгляды на действительность не изменятся, он после освобождения снова окажется в таких же местах, или еще более удаленных".

Отказ в свидании Лавуту Журавков объяснил тем, что "иные лица" допускаются на свидание, если администрация уверена, что они положительно повлияют на осужденного. Например, по ходатайству с работы или по рекомендации компетентного органа.

О предстоящем свидании Ковалева с адвокатом, ведущим дело в порядке надзора (Хр. 40; в сентябре адвокату все-таки удалось ознакомиться с делом), Журавков сказал, что должна быть санкция КГБ.

* * *

Весной и летом 1975 г. Степана Сапеляка возили на Украину – в Киев и Тернополь. Там у него всячески добивались признания: возили на пляж; привезли его к родному селу, остановили у дороги, которая ведет в село, и сказали: "Иди домой, считаем, что ты раскаялся, завтра напиши заявление". Степан отказался, угрожали побить, показывали резиновые дубинки. В это время в Тернополе под арестом находилась туристка из Канады, украинка по национальности. От Сапеляка требовали, чтобы он заявил этой украинке, что он – не политический, а просто хулиган; что он никогда не был на Урале, а сидел под

Львовом, что история с его избением (Хр. 33) – выдумка. Степан отказался.

По возвращении в 36 лагерь его постоянно обыскивали, раздевая догола, часто сажали в ШИЗО, в мае 1976 г. на месяц посадили в ПКТ. В мае 1976 г. уполномоченный КГБ майор Черняк закричал Сапеляку: ”Высушу тебя так, что, когда выйдешь, камни в карман придется накладывать, чтобы ветром не сдуло!”.

В последний год у Сапеляка часто поднимается давление. В июне 1976 г. у него было 180 на 120.

Летом 1976 г. Сапеляка перевели во Владимирскую тюрьму.

Сапеляку примерно 25 лет. Он из села Россохоча Чертковского района Тернопольской области (Западная Украина). В 1973 г. группа юношей этого села во главе с Сапеляком заменила в дни празднования 55-летия Украинской республики красные флаги на желто-голубые. Приговор: 5 лет лагерей и 3 года ссылки.

* * *

Летом к Евгению Сверстюку приехали из Киева два человека, один из них – сотрудник КГБ. К Сверстюку обратились по-украински, он же отвечал по-русски.

”Вы ведь, кажется, боролись за право говорить на украинском языке”, – сказал кагебист.

”С охранниками я говорю по-русски”.

”Если вы меня считаете охранником, то вот он – философ”.

”Охранник с философским уклоном”, – ответил Сверстюк и прекратил беседу.

* * *

Стали известны некоторые подробности пребывания Ашота Навасардяна в следственном изоляторе КГБ в Ереване. Когда в августе 1974 г. он держал голодовку, принудительное кормление проводилось с намеренным причинением боли: хотя он не сопротивлялся, ему силой раздвигали челюсти и железными щипцами вытаскивали язык, сильно сдавливая его. 27 октября 1974 г. на Ереванском вокзале при отправке на этап конвой (русские и туркмены во главе с единственным армянином Рузвельтом Сагатыаном) вошел в ”клетку”, в которой находился Навасардян, и сильно (кулаками, ногами) избил его. На вопрос Навасардяна ”За что?” Сагатыан сказал: ”Чтобы знал, что такое

советский конвой!”.

Когда Навасардяна возили в Ереван (Хр. 41), от него добились, чтобы он написал просьбу о помиловании.

* * *

Ладыженский (Хр. 34) в лагере находится в специально созданных условиях: он получает дополнительные свидания, дополнительные посылки, диетическое питание, освобождения от работы. Ладыженскому спускают с рук мелкие нарушения режима, за которые других наказывают.

В апреле 1976 г. Ладыженский был свидетелем на суде над Андреем Твердохлебовым (Хр. 40). В июне "Известия" в статье "Колодец с гнилой водой" писали:

"Режим там (в лагерях — Хр.) установлен строго соответствующий законодательству. Это, между прочим, подтвердили отбывающие наказание в колониях Дудинас, Паулаускас, Джабурия, Ладыженский. По их словам, к ним не применяют никаких противозаконных мер воздействия. От них требуется лишь соблюдать установленные правила и работать, причем за труд они получают соответствующую оплату, как это предусмотрено советским законодательством".

Пытаясь оправдаться перед заключенными, Ладыженский сказал, что "Известия" намеренно изображают положение, в котором находится он сам, как характерное для лагеря в целом; он же в своих показаниях говорил только о себе. (На самом деле "Известия" передают эту часть показаний Ладыженского верно — Хр. 40.) По его словам, созданное для него исключительное положение является заранее продуманной провокацией, а сам он о льготах не просил.

* * *

В 1975 г. Иосиф Менделевич обратился к Хельсинкскому совещанию с письмом, в котором писал, что в лагере нет свободы религии. Ответил ему на это письмо из Пермского УИТУ Сыромятов. В ответе, в частности, сказано, что Заключительный Акт Хельсинкского совещания имеет декларативный характер; он не является законом, и его соблюдать не обязательно.

31 июля 1976 г., в годовщину Хельсинкского совещания, Менделевича за отказ работать в субботу посадили на 2 суток в ШИЗО.

1 августа Ковалев и Сверстюк, протестуя против наказания Менделевича, провели голодовку.

* * *

В феврале 1976 г. заключенный Таратухин объявил на "пресс-конференции", что сотрудничал с оперуполномоченным КГБ и прекращает это сотрудничество. Соответствующее заявление он направил и администрации. Таратухин рассказал заключенным, как и на кого "стукал". Он сказал, что стал стукачом, чтобы выявить других стукачей. Однако ему это не удалось, потому что их не знакомят друг с другом. Таратухин рассказал, что руководит осведомителями майор КГБ Черняк, но с ним они встречаются редко. Свои донесения они передают через врачей Петрова и Титова, которые "платят" им шоколадом (6 плиток в месяц). Кроме того, врачи выписывают им диетическое питание, кладут в больницу. Осведомители получают внеочередные посылки и бандероли. Кроме сообщений о разговорах и настроениях в "зоне" стукачи возбуждают национальную рознь (особенно по отношению к евреям), распространяют порочащие слухи о наиболее уважаемых заключенных.

Таратухин сообщил также текст "обязательства":

"Я, Таратухин Сергей Михайлович, согласен сотрудничать с Комитетом государственной безопасности. Государственные секреты, которые станут мне известны в ходе этого сотрудничества, обязуюсь хранить в тайне. В целях конспирации буду пользоваться кличкой "Андрей".

Таратухин (1956 г. р.) в политическую зону попал из уголовного лагеря.

* * *

Из 37 лагеря привезен в 36 лагерь и водворен на 2 месяца в ПКТ Лычак.

* * *

4 июля, в честь Дня независимости США, Мухаметшин (Хр. 37) устроил однодневную забастовку. На следующий день он был водворен в ШИЗО.

37 лагерь.

24 февраля в честь XXV съезда КПСС 8 человек провели голодовку.

* * *

В марте Залмансона и Микитко перевели в 35 лагерь.

* * *

2 мая Винничук, Воробьев, Гимпу, Владимир Мармус, Пронюк и Синьков в знак солидарности с участниками "Марша свободы" в США провели однодневную голодовку.

* * *

В конце мая произошел такой инцидент.

В бараках — койки тюремного образца: на железную раму натянута несколько редких продольных полос. Спать очень неудобно. Иногда заключенным удается разжиться фанерками, иногда — вторым матрацем. Однажды надзиратели отобрали все эти "незаконные" усовершенствования. Тогда 17 человек потребовали, чтобы были выданы положенные по приказу 020 "койко-сетки", и, вышвырнув свои койки из барака, стали спать на полу. Администрация несколько дней упрашивала взять койки обратно, потом предложила компромисс: пока жалобы (в прокуратуру и в УИТУ) будут рассматриваться, приварить к рамам выкинутых коек поперечные полосы. Заключенные согласились. Гимпу, которого подозревали как зачинщика, 23 мая был "по другому поводу" помещен в ШИЗО. Его перевели в 35 лагерь, и 10 суток он отсидел уже там.

Прокуратура ответила, что имеющиеся в колонии койки и есть "койко-сетки".

(Аналогичная история была в 35 лагере — см. Хр. 39.)

* * *

1 августа, в годовщину окончания Хельсинкского совещания, 7 заключенных — Аваков, Винничук, Воробьев, Квецко, Владимир Мармус, Резников, Синьков — держали голодовку.

* * *

Сведения о том, что "бытовые условия в 37 лагере невиданные" (Хр. 38), к сожалению, оказались преувеличенными.

В бытовых лагерях

Владимир Архангельский (Хр. 38, 39) отбывает наказание в Бурятской АССР (учреждение 94/4).

Состояние его здоровья плохое: у него очень болят легкие, ежедневная рвота, большая слабость. Он сильно исхудал — весит около 50 кг. В качестве лекарства ему дают валерьянку.

В письме из Управления медицинской службы МВД СССР

от 27 сентября 1976 г., посланном в ответ на жалобу, говорится:

”... в настоящее время осужденный Архангельский здоров, трудоспособен. О неоказании своевременной помощи медицинским работникам сделано замечание.

Зам. начальника отдела

Управления медицинской службы МВД СССР Бобылев”.

Письма и заявления политзаключенных

М. Симчич – в Президиум Верховного Совета СССР.

В 1949 г. Мирослав Васильевич Симчич (1923 г. р.) за участие в УПА был осужден Ивано-Франковским военным трибуналом на 25 лет лишения свободы.

Цель заявления Симчича – добиться отмены дополнительного срока (10 лет), полученного им в магаданских лагерях в 1953 г.

Симчич описывает страшные условия этапа и лагерей, в которых выжил чудом. Начальство лагеря, куда он попал, правило при помощи банды уголовников. Защищая свою жизнь, Симчич отважился вступить в драку с ворами, ему помогли товарищи, а оперуполномоченный Воронцов, сам спровоцировавший драку, создал дело о ”националистической группировке”. Всем восьмерым дали по 10 лет.

Далее Симчич пишет:

”В 1956 г. комиссия Верховного Совета СССР снизила мне срок наказания до 10 лет. Но после четырех лет пребывания вне зоны кому-то показалось, что я мало отсидел, и меня арестовали опять (по так называемым вновь открывшимся делам)...

Поэтому считаю неправильным присоединение еще и лагерного срока к первому сроку, в связи с чем мне увеличили срок до 30 лет. Комиссия реабилитировала всех семь моих подельников по лагерной судимости.

... А ведь указов не существует тридцатилетнего срока.

Прошу... сообщить, окончится ли мой срок после на сегодня присужденных 30 лет или же будет, как в 30-е годы, ОСО и мне прибавят еще”.

* * *

Д. Верхоляк – в Президиум Верховного Совета СССР (июнь 1976 г.).

”В течение многих лет я тщетно пытаюсь добиться регистрации брака с собственной женой, с которой с 1953 г. состою в фактическом браке. Ст. 10 Основ законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик не содержит запрета на регистрацию брака с осужденными... В этой связи прошу разъяснить, является ли правомерным существование нормативно-ведомственного акта – приказа Министерства внутренних дел – запрещающего осужденным регистрацию брака”.

* * *

В. Марченко – в Президиум Верховного Совета СССР (июль 1976 г.)

”Исходя из положения ст. 16 Международного пакта о гражданских и политических правах (“Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъективности”), вступившего в силу 23 марта 1976 г., прошу разъяснить правомерность продолжения действия ст. 8 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, в законодательном порядке ограничивающей правосубъективность осужденных в СССР...”

* * *

В. Марченко – Открытое письмо Вальтеру Хайновскому и Герхарду Шейману, журналистам из ГДР (июнь 1976 г.).

”Я пишу вам вторично, надеюсь, что судьба смилостивится на этот раз и мое письмо достигнет адресата... Знаю, что изображению многострадальной Чили вы посвятили не только перо, но и кинокамеру. С возмущением, пылко, квалифицированно вы рассказываете о... муках узников концлагерей. Последнее, собственно говоря, и побудило меня сесть за письмо к вам... Но почему бы вам лично не ознакомиться с бытом советских политзаключенных?... А почему бы, действительно, вам не съездить в СССР, взять интервью у генерала Громова, памятного многим моим соузникам по первой встрече – когда он приветствовал этап новоприбывших, а у его ног корчился, истекая кровью, собственноручно генералом Грозовым застреленный (уже седьмой) заключенный?... Пятидесятилетняя история советских концлагерей не знает прецедента посещения их иностранцами... И все-таки я наде-

юсь на встречу. А тем временем, чтобы разговор наш был предметным, предлагаю вам несколько вопросов...

2. Назовите мне другую страну, где в 25-летнем заключении держали бы женщину. В какой стране вообще содержат сейчас в концлагерях женщин-политзаключенных?...

4. ... Так называемая система перевоспитания в концлагерях СССР целиком и полностью зиждется на пытках голодом и холодом. Назовите мне другую страну, где месячная сумма на питание политзаключенного, законодательно установленная, составляла бы 12 советских рублей. Количество погибших в концлагерях фашистской Германии широко известно. Пусть же ваши товарищи по классу в Москве сообщат цифру уничтоженных ими в их исправительно-трудовых учреждениях..."

* * *

Шовковский — Открытое письмо главному редактору газеты "Известия" по поводу статьи "Колодец с гнилой водой", помещенной в этой газете 18 июня 1976 г. (см. выше "36 лагерь" — Хр.).

"... Мне прекрасно известен режим содержания в лагере, в котором пребывает Дуденас (в "Известиях" Дудинас — Хр.), поскольку там пребываю в заключении также и я...

Но в чем-то Дуденас прав: ему в лагере сравнительно неплохо, во всяком случае сытнее, чем мне, — он же "сука". Однако есть люди богаче Дуденаса. Оперативники щедро снабжают своих — некоторые получают еды на 50 рублей ежемесячно (сравните с законом)... Я могу рассказать о том, как нынешний каратель, прапорщик Али Атаев, носит карателю в прошлом Григорию Синятинскому запрещенный для меня мед,... какой ценой духовно нищий Усатюк имеет неограниченное количество свиданий (а других их постоянно лишают). Я... могу рассказать о том, как съедаемого туберкулезом философа Пронюка лишают тех несчастных 5 рублей, которые ему положены (на "ларек" — Хр.) раз в месяц..."

* * *

С. Мамчур — канонику Раймонду Гоору, члену секретариата Международного комитета по европейской безопасности и сотрудничеству.

”Многоуважаемый Отче! Пребывая в советских концлагерях с 1957 года, я до сих пор не смог осуществить данное нашим Господом каждому человеку право читать Слово Божие. На протяжении всего этого времени у меня отнимали Библию, выписки из нее и сжигали их...

Молю Вас, Отче Каноник, переубедить власти Советского Союза разрешить мне иметь в лагере Библию. Естественность моего желанья освящена Богом и правами человека”.

* * *

В. Романюк — в Президиум Верховного Совета СССР (см. также его письма в Хр. 37, 39).

В своем письме священник Василий Романюк отказывается от советского гражданства:

”... ибо считаю, что носить звание гражданина той страны, в которой совершилось такое множество преступлений против мира и Человечества, где теперь, в последней четверти 20-го столетия, человека за одно только высказывание кому-нибудь своих убеждений и мыслей водворяют на долгие годы в концлагеря и психбольницы, есть преступление перед Богом и людьми”.

В. Романюк пишет, что он обращается к американскому народу и правительству, чтобы его сделали гражданином США, и просит у Всемирного Совета Церквей помощи в этом.

”Я — уроженец Западной Украины и до 19 лет не жил под вашим покровительством, не учился в вашей школе, не служил в вашей армии.

В 1944 году, когда советские войска заняли нашу область и была объявлена мобилизация, я явился вместе с отцом в военкомат. Там, по клеветническому доносу местных коммунистов, я был арестован и осужден на 10 лет, так что первым советским паспортом, который официально причислял меня к гражданам Советского Союза, был приговор Станиславского военного трибунала.

В 1972 г. вы объявили меня особо опасным рецидивистом, государственным преступником и даете мне вторично, на старости лет, такой же ”паспорт”, какой вы дали мне в юности, но на сей раз он может оказаться для меня бессрочным, ибо мое здоровье вряд ли сможет выдержать эти ваши ”колонии особого режима”.

* * *

В. Романюк — Национальному Совету Христианских церквей США.

Письмо аналогично предыдущему.

* * *

Ю. Машков — в Комиссию ООН по правам человека (1 августа 1976 г.).

”Первая годовщина со дня подписания Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе показала, что советское правительство поставило свою подпись из демагогических побуждений...

Нетрудно понять, что страна с тоталитарным режимом, спрятанная за железный занавес, не может быть мирным соседом свободным странам Западной Европы.

В знак протеста против невыполнения советским правительством демократических требований Заключительного Акта... 1 августа 1976 года объявляю голодовку...”

* * *

Н. Мотрюк — письмо сыну.

”... Сейчас я отбываю наказание как ”государственный преступник” за то, что мы с друзьями собирались и обсуждали современное положение на Украине, причины культурного и духовного упадка, низкий жизненный уровень.”

(Николай Мотрюк — член Союза украинской молодежи Галиции (Хр. 33). Он был арестован 15 марта 1973 г. Конец его срока — 15 марта 1977 г.)

”...Что меня ожидает в родном краю? Постоянный надзор, всяческие провокации, преследования и, в конечном итоге, опять тюрьма, концлагерь. Здесь мне жизни не будет. Поэтому я отказался от советского гражданства и попросил посла Франции дать мне французское гражданство. Если бы мне удалось выехать, это была бы милость Божия...”

* * *

В. Абанькин — Заявление (25 марта 1976 г.).

Абанькин подробно излагает обстоятельства своей жизни, приведшие его в 1966 г. к попытке покинуть СССР (4 августа 1966 г. он был задержан пограничниками ГДР, в октябре 1968 г. получил 12 лет). Он описывает, как следователь вымогал у него нужные следствию признания и как проходил суд. Абанькин подтверждает свой отказ от гражданства (Хр. 32). В за-

ключение он пишет:

”Я не признал на следствии и в суде себя изменником Родины, так как Родине не изменял, а изменял власти. Власть же не есть Родина. Власть меняется. Родина остается вечной. Это не приняли во внимание, и я заявляю еще раз: я русский и останусь русским, что бы ни случилось, а Родина моя – Россия”.

* * *

С. Ковалев, Е. Сверстюк.

”Непримиримым к воплощению мирового зла, насилия и лжи Дон-Кихотам, постоянно чувствующим голос земли и голос совести,

одержимым деятельной любовью к истине,
тем, кто стучится в закрытые двери,
пишет письма, которые не доходят,
помогает нашим родным,
согревает гонимых и затравленных,
именитым и безымянным людям долга
– благодарность и братское рукопожатие!”

В защиту политзаключенных

Людмила Алексеева, Михаил Бернштам, Татьяна Великанова, Александр Гинзбург, Мальва Ланда – ”День памяти жертв красного террора” (5 сентября 1976 г.).

”Уже несколько лет политические заключенные лагерей Урала, Мордовии и Владимирской тюрьмы отмечают 5 сентября – День памяти жертв красного террора. Политические заключенные различных взглядов, вероисповеданий, национальностей в этот день собираются вместе, размышляют о нашей истории, поминают безвестных погибших, репрессированных близких, друзей...

Поддерживая инициативу и традицию политических заключенных Советского Союза, ... мы снова говорим: свободу политическим заключенным Советского Союза! прекратить террор!”.

* * *

Мальва Ланда – ”Художникам. Людям доброй воли. ”Международной Амнистии”. Комиссии по правам человека ООН (октябрь 1976 г.).

”Художнице Стефании Шабатуре официально объявлено, что все ее творческие работы – экслибрисы и рисунки – преданы сожжению.

Стефания Шабатура – известная украинская художница; ее гобелены неоднократно выставлялись на областных, республиканских, всесоюзных и международных выставках...

До 1974 г. Стефании Шабатуре практически не давали возможности рисовать, заниматься тем, что для нее дороже и важнее всего.

В 1974 г. она получила этюдник, краски, кисти, карандаши, бумагу. Все это привез С. Шабатуре сам представитель Львовского КГБ Шуменко. Именно поэтому администрация лагеря не отнимала у С. Шабатуры краски, которые относятся к предметам, запрещенным в местах лишения свободы...

В конце 1975 г. Стефанию Шабатуру возили во Львов (место, где она жила до ареста) на ”перевоспитание”. Однако и во Львовской тюрьме Стефания Шабатура продолжала оставаться сама собой. В День прав человека, 10 декабря 1975 г., она, как и в предыдущие годы в заключении, держала голодовку протеста против грубого нарушения прав человека в СССР. Она не отменила эту голодовку, не прекратила ее и после настойчивых увещаний представителя Львовского КГБ Шуменко... Шуменко грозил Стефании Шабатуре, что она ”еще пожалеет” о своей неуступчивости.

Сразу же по возвращении в лагерь, прямо на вахте, Стефании Шабатуре зачитали акт: все отобранные у нее перед отъездом рисунки преданы сожжению как ”абстрактные” и изображающие лагерь.

... Стефания Шабатура не совершила ни уголовного, ни ”государственного” преступления. Преступление – подвергать ее террору, репрессиям и издевательствам, калечить ее физически и пытаться уничтожить духовно. Преступление – сжигать ее творчество. Эти преступления совершаются в стране победившего социализма, под прикрытием социалистической законности.

Я надеюсь, что это не помешает художникам – ”левым”, ”правым” и другим, творческой интеллигенции, всем, кому дороги человек и его высокие стремления, – выступить в защиту Стефании Шабатуры и ее творчества...”

(См. также Хр. 39-41.)

* * *

Стефания Симутене (мать Людаса Симутиса – в Медслужбу МВД (10 августа 1976 г.).

В связи со снятием с Л. Симутиса инвалидности (Хр. 41) мать просит обследовать сына специалистами по костнотуберкулезным заболеваниям и назначить ему нужное лечение.

* * *

Игорь Мельчук – ”К моим коллегам” (август 1976 г.).

Лингвист Мельчук призывает ученых мира помнить о судьбе биолога Сергея Ковалева.

”Мы не можем сразу исправить мир – но мы можем помочь спасению одного человека. Это может каждый...”

Пишите Ковалеву письма ободрения.

Пишите советским властям письма протеста...

Не забывайте, что письма от известных и неизвестных людей с Запада, адресованные министру внутренних дел СССР Щелокову и администрации лагеря ВС-389/36, могут остановить ту или иную репрессию...”

Освобождения

13 июля освобождился Кузьма Иванович Матвиюк (Хр. 33). Наказание он отбывал в Мордовии (19 лагерь).

Освобождение происходило так. 2 июля он был внезапно взят на этап и перевезен в тюрьму г. Черкасы (от Москвы до Киева его везли обычным пассажирским самолетом, в наручниках, в сопровождении трех конвоиров). 12 июля с Матвиюком ”беседовали” сотрудники КГБ.

Вечером 13 июля Матвиюка поместили в служебную автомашину и в сопровождении начальника тюрьмы и конвойного доставили на автобусную станцию. Там ему выдали билет до села Ильяшовка, в котором проживает его мать, посадили в рейсовый автобус и сказали, что ему запрещено делать остановки и менять маршрут.

По прибытии в Ильяшовку Матвиюку было предъявлено постановление об установлении над ним на 1 год административного надзора, поскольку он ”в местах заключения не встал на путь исправления”. Согласно данному постановлению, Мат-

виюк не имеет права выходить за территорию района, с 22 часов до 6 часов утра он обязан находиться дома, каждые 10 дней он должен ездить в районный центр и отмечаться в милиции...

Матвиюк был направлен на жительство в Ильяшовку вопреки его желанию: в лагере он записывался в г. Умань, где жил до ареста.

Его адрес: 281152, УССР, Хмельницкая обл., Староконстантиновский р-н, с. Ильяшовка.

* * *

В августе из 36 лагеря освобожден Юрий Вудка. (В "Хронике" 36 ошибочно указывалось, что помимо 7 лет лишения свободы в его приговор входила ссылка.)

В апреле Вудку из Владимира перевезли в 36 лагерь. Перед этапированием из Владимира у него забрали "на проверку" личные бумаги, письма, приговор. В начале сентября он все еще не получил свои бумаги и деньги. В ответ на свои жалобы, посланные им как во Владимир, так и в высшие инстанции, он получил из Владимира такие ответы:

1. "... все его личные вещи ему выданы..., кроме корреспонденции и различных рукописей, которые обоснованно конфискованы. ... Денег на его лицевом счете нет".

("Рукописи" — это выписки из книг, взятых в тюремной библиотеке. "Корреспонденция" — это письма, прошедшие цензуру. Когда Вудка уезжал из Владимира, на его счету было примерно 150 рублей. При этапировании заключенного из одного места в другое деньги обычно посылаются за ним вслед.)

2. "Сообщите заключенному Вудке о том, что... все вещи при этапировании он получил".

3. "Прошу объявить осужденному Вудке..., что копии судебных документов, изъятые у него при этапировании, направлены в ваш адрес..."

За месяц до освобождения Вудку перевезли в Днепропетровскую тюрьму. Написать родителям в Павлоград, что он в Днепропетровске, ему разрешили только после того, как он объявил голодовку.

* * *

24 сентября, отбыв шестилетний срок (первые три года в тюрьме), освобожден Олег Воробьев (Хр. 16, 18, 33).

В начале августа его перевели из 37-го лагеря в 36-й (Перм-

ские лагеря), а за две недели до освобождения — в Калужскую тюрьму (поскольку он указал своим будущим местом жительства Калугу). При освобождении из Калужской тюрьмы Воробьеву дали прочесть характеристику, написанную на него в лагере: "Систематически нарушал правила распорядка, участвовал в необоснованных голодовках, склонен к подстрекательству, на путь исправления не встал". Характеристика заканчивалась рекомендацией поставить Воробьева под надзор.

* * *

В сентябре освобождился Юрий Гродецкий (Хр. 35). Предварительно его из Владимира перевезли в Ленинград.

* * *

2 октября был освобожден горьковчанин Владлен Павленков (Хр. 11-13, 33).

На инструктивных совещаниях для пропагандистов в Горьком сообщалось, что вскоре в Горький из заключения вернется Павленков. Что он не исправился, имеет родственников в Америке (в качестве его "родственника за границей" называли Солженицына). Что приятелями Павленкова являются диссиденты, в том числе Сахаров. (Говорилось, что число диссидентов невелико — человек 300.) Что его жена, Светлана Павленкова, получает деньги из ЦРУ и посылает их заключенным.

Перед освобождением Павленкова в Горьковское УКГБ вызывали Пономарева и Жильцова — подельников Павленкова, освободившихся раньше. Их спрашивали, зачем к Светлане Павленковой приезжают бывшие политзаключенные.

За три недели до освобождения Павленкова перевезли из Владимирской тюрьмы в Горьковскую. Утром 2 октября ему еще в тюремной камере объявили об установлении над ним административного надзора. Затем его на тюремной машине отвезли домой.

* * *

9 августа освободили Ма Хуна.

Его история такова. В 1968 году он перешел китайско-советскую границу и был задержан пограничным патрулем. Ма Хун объяснил пограничникам, что он бежал из Китая и хочет жить в Советском Союзе. Против него было возбуждено уголовное дело по ст. 69 УК Каз.ССР "за незаконный въезд в СССР". Потом дело было прекращено. Ма Хуну выдали вид на жительство и разрешили жить в Советском Союзе.

11 марта 1972 г. Ма Хуна арестовали и обвинили в шпионаже. 30 ноября 1973 г. военный трибунал Среднеазиатского военного округа за "покушение на шпионаж" приговорил Ма Хуна к лишению свободы на 10 лет (из них первые 5 лет – в тюрьме, остальные 5 лет – в лагере строгого режима), последующей ссылке на 5 лет и конфискации имущества. Трибунал счел установленным, что Ма Хун перебрался в Советский Союз с целью шпионажа. Главными доказательствами послужили показания трех китайцев, перешедших в разное время китайско-советскую границу. Ма Хун на суде виновным себя не признал. Он категорически заявил, что никогда на разведывательных курсах не обучался и никакого задания от китайской разведки не получил. Показания свидетелей он объявил ложными.

Ма Хуна отправили отбывать наказание во Владимир.

В "Хронике" 39 сообщалось, что в октябре 1975 г. Ма Хуна отправили в Алма-Ату "по всей видимости для пересмотра дела". В "Хронике" 40 сообщалось, что в феврале 1976 г. Ма Хун был возвращен во Владимир: "Китайцы, давшие на него показания, говорят теперь, что делали это под давлением следователя. Нового суда не было, но Ма Хун надеется на смягчение приговора".

Верховный суд Казахской ССР рассмотрел в порядке надзора дело Ма Хуна, отменил приговор и передал дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. На этот раз следователи КГБ переквалифицировали обвинение на ст. 69 УК Каз.ССР. Поскольку максимальный срок наказания по ст. 69 – 3 года, а Ма Хун уже просидел больше четырех лет, его освободили.

9 августа заместитель начальника следственного отдела КГБ при Совете Министров Казахской ССР извинился перед Ма Хуном: "Мы ошиблись – вы не шпион. Сегодня вы будете освобождены".

Сейчас Ма Хун проживает в Хабаровском крае (Хабаровский р-н, пос. Победа, общежитие 3). Как лицо без гражданства, за пределы района он выезжать не может.

* * *

В 1961 году во Львове была арестована группа украинских националистов. Их дело описано в книге "Брожение на Украине", вышедшей в Англии. Четверо из этой группы по пригово-

ру суда были расстреляны. Пять человек — Роман Гурный (Хр. 35), Николай Мелех (Хр. 33), Михаил Против (Хр. 33), Гнат Кузик и Владимир Гнот — получили по 15 лет.

В 1976 г. они по концу срока были освобождены: Гурный и Мелех — из 35 лагеря, Гнот, Кузик и Против — из 36 лагеря.

* * *

Из 35 лагеря по концу срока освободились Балис Галдикас (Хр. 33), Роман Колопач (Хр. 33) и Юрий Машков (его дело "Хронике" не известно; см. также Хр. 39).

* * *

26 апреля, отбыв трехлетний срок, из 36 лагеря освобождился ученик Вильнюсского музыкального училища Римас Чекиялис (Хр. 32). Сейчас ему 21 год.

* * *

4 августа, отбыв десятилетний срок, из 36 лагеря освобождился поделщик Витольда Абанькина (см. выше его "Заявление") Виктор Чесноков (Хр. 33).

* * *

27 сентября, отбыв пятилетний срок по ст. 70 УК РСФСР, из 36 лагеря освобождился москвич Семен Ананьевич Кифяк (Хр. 33).

* * *

Из 36 лагеря по концу срока освобождился также Альгис Мираускас (его дело "Хронике" не известно; срок у него был 3 года), Николай Редько (7 лет по ст. 70 УК РСФСР), Витас Ремейка (Хр. 33), Николай Тесленко (6 лет по ст. 70 УК РСФСР).

* * *

Из 36 лагеря освобождился бывший "полицай" Мелитон Джабурия (в "Хронике" 33 в списке заключенных 36 лагеря он фигурирует под номером 92 с фамилией "Джабурин"; в "Хронике" 40 в разделе "Суд над Андреем Твердохлебовым" утверждалось, что его фамилия "Джамбурия"; см. также выше — "36 лагерь"). Его срок — 15 лет. Отбыл ли он его до конца, "Хронике" не известно.

* * *

Из 37 лагеря, отбыв шестилетний срок по ст. 70 УК РСФСР, освобождился Виталий Николаевич Коломин (его дело "Хронике" не известно; по-видимому, в "Хронике" 38 начало срока указано неверно).

* * *

Из 37 лагеря, отбыв семилетний срок по ст. 70, освобождился поделщик Владлена Павленкова (см. выше) Михаил Сергеевич Капранов (Хр. 11-13, 38).

* * *

Из 37 лагеря по концу срока освободились также Михаил Копотун (6 лет по ст. 70), Анатолий Меркурьев (5 лет по ст. 70), Борис Мудров (6 лет по ст. 64) и Еугениус Юодвиршис (2 года по ст. 70 за листовки; два его поделщика получили по полтора года).

* * *

Освобождился Эдгар Абель (Хр. 34), осужденный в 1973 году по статье, соответствующей ст. 190-1 УК РСФСР.

* * *

16 июня кончилась "лагерная часть" наказания у Павла Федоровича Кампова (Хр. 33).

В декабре 1970 г. Ужгородский областной суд под председательством Л.А. Гирица приговорил его за "антисоветскую агитацию и пропаганду" к 6 годам лишения свободы и 3 годам ссылки. В приговоре ему инкриминировались фразы из его письма Брежневу, авторство самиздатской статьи "25 лет надежд и разочарований" (Кампов категорически отрицал свое авторство, и никаких доказательств его авторства в деле нет), распространение предвыборных листовок, агитирующих на вписывание в избирательные бюллетени его фамилии (на допросах следователь КГБ рассказал Кампову, что во время выборов 20% избирателей зачеркнули официального кандидата и вписали его фамилию). Обвинителем на суде был прокурор Дьердяй.

Наказание Кампов отбывал в Пермских лагерях (36 лагерь). Примерно 20 июня его повезли в ссылку. Перед этапом у него изъяли записи, сделанные им во время следствия и на суде, выписки из приговора, копии жалоб в официальные инстанции.

Этапирование продолжалось 26 дней. Адрес Кампова в ссылке: 636842, Томская обл., Первомайский р-н, пос. Комсомолец, Почтовый пер. 5.

Кампов – инвалид 2 группы. Однако пенсию ему пока не дают. Работы он тоже найти не может. Кампов – математик, кандидат наук, до ареста преподавал в Ужгородском универси-

тете и Институте усовершенствования учителей. Секретарь Первомайского райкома КПСС заявил Кампову, что по политическим мотивам он не может быть допущен на педагогическую работу. Кампов обошел все организации в поселке, но не нашел никакой работы.

Для жилья ему предоставили койку в общежитии.

”Одним словом, нужно проситься обратно в лагерь, так как выхода нет. Иначе придется умирать с голоду”, — пишет в письме Кампов.

* * *

21 сентября кончился четырехлетний срок пребывания в лагере Александра Болонкина (Хр. 30). За два месяца до окончания срока он был помещен в ПКТ. 17 сентября его перевели в 19 лагерь, а оттуда — на место ссылки, в Красноярский край. Согласно приговору, срок его ссылки — 2 года.

* * *

Из 36 лагеря по отбытии семилетнего срока отправлен в трехлетнюю ссылку Тикалас (Хр. 33).

* * *

Из 37 лагеря по отбытии трехлетнего срока по ст. 70 отправлен в ссылку Андрей Николаевич Кравец (в ”Хронике” 39 ссылка не была указана).

* * *

В июле или августе 1976 г. Анатолий Малкин (Хр. 37) переведен из лагеря на ”химию” — на стройку в Саратовской области. Освобождается он в мае 1978 г.

В ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ

Днепропетровская СПБ

Евдокимов (Хр. 39) находится в тяжелом физическом (астма, кожное заболевание) и моральном состоянии. Он признался, что симулировал, но в новой экспертизе ему пока отказывают.

Плахотнюк (Хр. 39) чувствует себя плохо. У него больные легкие.

В начале 1976 г. в больнице находился ”за переход границы” ленинградец Юрий Александрович Ветохин.

* * *

Из Смоленской специальной психбольницы в больницу общего типа в сентябре переведен Юрий Белов (Хр. 39, 41). Его адрес сейчас: Красноярский край, Нижне-Ингашский р-н, пос. Поймо-Тины, Психоневрологическая больница.

В больницу общего типа во Львов переведен Зиновий Михайлович Красивский (Хр. 39, 41).

* * *

В сентябре 1976 г. комиссия врачей рекомендовала к выписке из психбольницы Вячеслава Игрунова (Хр. 40).

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ВЕРУЮЩИХ

В сентябре Александра Аргентова (Хр. 41) выпустили из психиатрической больницы. Насколько известно, это сделано по распоряжению главного психиатра Москвы В.И. Котова. Возможно, не последнюю роль в скором освобождении Аргентова сыграли многочисленные выступления в его защиту — здесь и на Западе.

* * *

В 35 номере "Бюллетеня Совета родственников узников евангельских христиан-баптистов в СССР" сообщается о новых осуждениях за религиозную деятельность, арестах, обысках, разгонах молитвенных собраний, штрафах, лишении родительских прав.

Ниже использованы материалы этого номера.

* * *

11 июля в селе Ивановка Исмаиллинского района Азербайджанской ССР был арестован пресвитер Ивановской общины ЕХБ Петр Александрович Серебренников (76 лет). 21 июля он получил по статье, соответствующей ст. 227 УК РСФСР ("Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов"), 5 лет строгого режима с конфискацией имущества. Это его четвертый "срок". Дома у него осталась тяжело больная, не встающая с постели жена. Верующие Ивановской общины направили Брежневу, Подгорному, Руденко и Совету родственников узников ЕХБ жалобу.

20-21 июля в том же селе были арестованы Иван Александрович Серебренников (1906 г. р.), Мария Степановна Леонтьева (1912 г. р.) и мать семерых детей (часть из них — несовершенно-

летние) Анастасия Павловна Ермолова (1924 г. р.). Против них возбуждено уголовное дело.

Членов местной общины преследуют и иными способами: отключают свет и воду, штрафуют, увольняют. В жалобе Брежневу, Подгорному, Руденко от 7 июля, подписанной 10 верующими, указано, что преследованиями руководит депутат Верховного Совета Аз.ССР председатель колхоза Н.В. Никитин.

* * *

3 августа в г. Здолбуново Ровенской области УССР на 2,5 года была осуждена Екатерина Николаевна Барин. Ее обвинили в организации воскресной школы для обучения детей религии.

* * *

В 1974 г. власти города Иссык-Алма-Атинской области предложили пресвитеру местной общины ЕХБ Ивану Петровичу Штеффену построить специальный дом для молитвенных собраний, что члены общины с удовольствием и сделали. В 1976 г. власти неожиданно начали требовать от верующих, чтобы они сломали молитвенный дом. Те отказались. 29 июня органы пожарной охраны опечатали дом. 13 июля Штеффена вызвали в горисполком и дали ему 15 суток. Прихожанам объяснили, что Штеффен вел себя грубо с представителями власти. Однако после отбытия 15 суток Штеффен не был выпущен. Против него возбуждено уголовное дело. Он обвиняется в нарушении законодательства о культах. Городские власти требуют от членов местной общины ее регистрации.

* * *

29 мая в селе Виноградовка Болградского района Одесской области в доме у Петра Петровича Илиева и Марии Николаевны Димовой милиция провела обыск. Были изъяты Библии, магнитофонные пленки, фотографии узников ЕХБ, "Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ", записи религиозного характера. М.Н. Димова послала жалобу Руденко, Совету церковей ЕХБ и Совету родственников узников ЕХБ.

* * *

22 апреля в Павлограде при посадке Владимира Ивановича Шульца в самолет, следующий в Алма-Ату, рядовой милиции Федорченко при проверке вещей Шульца изъял у него из портфеля рукописный сборник религиозных песен.

По этому поводу 196 верующих Славгородского и Хаба-

ровского р-нов Хабаровского края послали в ООН и президенту Франции жалобу. Они пишут:

”... Когда раньше при полете в воздушных судах был установлен контроль для изъятия взрывоопасных и легковоспламеняемых, ядовитых веществ, то теперь создается мысль, что контроль больше производится для изъятия духовной литературы, чем за взрывоопасными веществами”.

Когда Шульц спросил у Федорченко, на каком основании он забрал сборник, тот ответил: ”Оснований нет. Жалуйся, кому хочешь. Обратись к прокурору — он тебе разъяснит”.

* * *

16 июля в селе Костюковка Тепликского района Винницкой области Тимофея Иосифовича Рубленко оштрафовали за то, что он восьми старушкам читал Библию, на 25 рублей.

Рубленко — инвалид Отечественной войны, получает пенсию 30 руб. 60 коп.

* * *

11 июня административная комиссия сельсовета села Русская Ивановка Белгород-Днестровского района Одесской области оштрафовала за проведение молитвенного собрания 12 человек — на 50 руб. каждого. Среди оштрафованных есть получающие пенсию 20 руб., есть ничего не получающие.

* * *

За 1975 год Московская община ЕХБ была оштрафована на 4000 руб., за январь-май 1976 г. — на 1800 руб. В том числе в 1976 г. оштрафованы:

Никитин Ф.В. — инвалид войны, пенсия — 65 руб., штраф — 125 руб.;

Рудниченко Г.З. — тяжело болен, пенсия — 60 руб., штраф — 150 руб.;

Столбов Г.П. — пенсия 100 руб., штраф — 250 руб.;

Поздняков Н.П. — на иждивении 7 детей, зарплата 180 руб., штраф — 250 руб.;

Поляков Н.И. — на иждивении 5 человек, зарплата — 180 руб., штраф — 350 руб.;

В Открытом письме Брежневу и Совету родственников узников ЕХБ от 2 июля 1976 г. члены Московской общины ЕХБ пишут:

”На вопрос: ”Почему же это происходит?” — органы власти находят один ответ: ”Ваше собрание не зарегистрирова-

но". Это говорится после того, как мы неоднократно обращались в органы власти с заявлением о регистрации.

В 1975 г. заявление было отослано нами по почте в Моссовет. Была создана комиссия по этому делу в Люблинском райисполкоме г. Москвы, деятельность которой ограничилась весьма туманными заявлениями о трудностях, связанных с этим вопросом. Сотрудники КГБ, вызывавшие некоторых верующих для беседы, были откровеннее, заявив, что "вас не зарегистрируют, пока вы не откажетесь от Совета Церквей".

* * *

Знаменский народный суд Кировоградской области постановил отнять двенадцатилетнего Олега Коровина у его тетки Натальи Петровны Коровиной и передать его органам опеки. Родители Олега умерли. Н.П. Коровина в течение 12 лет ухаживала за больной матерью Олега и воспитывала его. Баптисты Ворошиловграда послали письмо Брежневу и телеграммы в Кировоградское облоно и прокуратуру Кировоградской области, прося учесть желание Олега и опротестовать решение народного суда.

* * *

Общее собрание Здолбуновской больницы и стоматологической поликлиники (Ровенская обл.) решило просить суд лишить Александра и Нину Назарук, родителей 11 детей, родительских прав за то, что они воспитывают детей в религиозном духе.

* * *

В г. Шепетовка Хмельницкой области учительница Екатерина Степановна Животягина вынуждена была с детьми бежать из своего дома, поскольку местные органы власти, узнав, что она стала верующей, пытались направить ее в психиатрическую больницу на принудительное лечение, а детей отнять.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

Выселения

В августе произошли новые выселения.

9 августа в 3 часа ночи милиция и дружинники напали на дом

Мустафы Абилева в селе Богатом, а в 5 часов утра — на дом Энвера Аметова в селе Курском. Около 50 крымских татар направили в связи с этим заявление протеста в Белгородский райисполком. О выселении Абилевых в заявлении говорится:

”Участковый Харченко взломал двери. Пьяные дружинники ворвались в дом и стали хватать спящих детей. Семья была погружена в автобус с нанесением телесных повреждений. При попытке к бегству из окна автобуса ребенку зажали шею выдвижным стеклом.

В грузовые автомашины были брошены как попало домашние вещи. Мебель и предметы домашнего обихода были разобраны топорами для ускорения вывоза. Во время акта выселения мародеры стащили у семьи Абилевых 1000 рублей. Общий материальный ущерб составил 2210 руб.”

Выселением Аметовых руководил тот же Харченко. И здесь украли деньги и поломали вещи. Самого Энвера дома не было. Айше Аметову с двухлетним сыном и вещами вывезли далеко в степь. Потом к дому подогнали бульдозер, но соседи не дали сломать дом (11 мая в другом селе Аметову сломали только что купленный дом — Хр. 40).

Когда Э. Аметов попытался в Белогорске выяснить судьбу своей семьи, его отсылали из одного учреждения в другое. Секретарь райисполкома сказала, что этими делами ведает КГБ, но в районном управлении КГБ отрицали причастность к выселению семей крымских татар.

В вышеупомянутом заявлении говорится, что 22 июня 1976 г. сотрудник КГБ Ильинов на заседании административной комиссии Белогорского райисполкома заявил Аметову: ”Уезжай из Крыма. Если не уедешь, то выселим”. В заявлении указано также, что председатель Муромского сельсовета А.К. Пономаренко и парторг А.Я. Веретиллов сказали в присутствии 12 человек, посетивших сельсовет по поводу выселения Веиса Файзуллаева (Хр. 41): ”Выселение семей и прописка татар производится только по распоряжению КГБ и милиции”.

Заявление в защиту Мустафы Абилева написали также 23 его односельчанина — русские и украинцы. Им угрожали за это невыдачей зерна в колхозе.

* * *

В ”Хронике” 41 сообщалось о судах над отцом и сыном Ус-

мановыми (точнее, Османовыми, но в Узбекистане при выдаче паспорта крымским татарам часто записывают фамилию в узбекском варианте). 28 августа Сеит-Асана Османова и его жену вывезли с вещами на станцию Джанкой. Здесь для разгрузки привели "пятнадцатисуточников", отказывающимся угрожали добавкой срока. Османовы вещи не отправили, а с помощью группы крымских татар вернулись в село Щербаково и снова вселились в свой дом, несмотря на противодействие милиции.

* * *

25 августа из села Золотое Поле выселены Ягъя Кенжетов с женой и дочерью 12 лет (сын служит в армии). Его дом снесен трактором. Непосредственные указания были даны первым секретарем Кировского райкома КПСС Рубловым. Окрестные жители пытались помешать выселению. Один из них, Умер Джейнаров из села Льговка, был осужден за это 27 августа на 15 суток ареста.

* * *

Ресмие Юнусова и Мемет Сейтвелиев с парализованным ребенком все еще живут в палатке возле своего дважды сломанного дома (Хр. 40, 41).

Суды

"Хронике" известна деятельность только одного районного суда — в Кировском районе. За три дня — 31 августа, 1 и 2 сентября — этот суд вынес семь решений о признании купли домов недействительной.

Суд рассмотрел также 5 уголовных дел по ст. 196 УК УССР — "нарушение паспортных правил".

В двадцатых числах августа Абибулла Халилов из с. Грушевка был приговорен по этой статье к двум годам заключения условно. Прокурор Зеленев говорил в обвинительной речи о важном значении паспортной системы: она помогает обеспечить население работой и питанием, позволяет органам власти располагать необходимыми сведениями о личности граждан. Поэтому лица, которым отказано в прописке, обязаны немедленно выехать. Адвокат И.И. Чайко при допросе подсудимого спрашивал его, почему он раньше не отрицал своей вины, а на суде отказался признать себя виновным. В заключительной

речи адвокат сказал, что его подзащитный совершил три ошибки: не узнав хорошо о возможностях прописки, переехал из Ташкентской обл.; купил дом, не обратившись предварительно в нотариальную контору; не уехал, получив отказ в прописке. Отказ нотариуса оформить договор ввиду отсутствия крымской прописки адвокат назвал правильным. Адвокат попросил мягкого наказания ввиду того, что Халилов, как он сказал, "застрял" в Крыму, просто не имея денег на обратную дорогу.

* * *

1 сентября осужден на два года лагерей строгого режима Шевкет Армаутов из г. Старый Крым. У него двое детей, его жене Сусанне Чалващ, которая скоро должна родить третьего, предъявлен иск об аннулировании покупки дома.

* * *

2 сентября судили трех жителей с. Грушевка. Ридван Усеинов приговорен к двум годам заключения с заменой на принудительные работы по направлению органов МВД, Решат Шабанов и Абляким Ягъяев — к двум годам высылки.

* * *

В г. Белогорске 2 сентября предъявлено обвинение по ст. 196 Мухсиму Османову, 45-летнему инвалиду 1-ой группы (ослеп, работая сварщиком). В Белогорском районе дело по ст. 196 возбуждено также против Энвера Аметова и Мурата Военного.

* * *

26 августа несколько десятков крымских татар собирались обратиться в облисполком по поводу прописки и работы. Это был приемный день.

В отличие от 18 ноября 1975 г., когда милиция разгоняла людей, уже собравшихся у здания облисполкома (Хр. 39), на этот раз были приняты превентивные меры. В некоторых селах милиционеры ходили по домам крымских татар и говорили, чтобы никто не уходил — может прийти комиссия по учету непрописанных. Милиция высаживала крымских татар из автобусов, следовавших в Симферополь. Около 30 человек все же смогли попасть в здание облисполкома, но председатель облисполкома их не принял.

* * *

В г. Старый Крым работник милиции потребовал от директора средней школы, чтобы тот не принимал в школу непрописан-

ных детей. Директор ответил, что он обязан выполнять закон о всеобщем, а прописка — дело милиции, а не школы.

* * *

5 сентября Айше Сеитмуратову и Энвера Аметова высадили из машины, ехавшей из Белогорска, и отвезли в Симферополь, в областное управление МВД. Здесь Аметова после обыска (изъяли записную книжку) отпустили, а Сеитмуратову допросили (без протокола). Задержавшие Сеитмуратову лица — младший лейтенант милиции Лютиков и не назвавший себя человек — попрекали ее тем, что по радио с Запада передают сообщения о положении крымских татар в Крыму. Айше ответила, что источник этих сообщений — незаконные действия милиции и других органов власти. Сеитмуратовой сказали, что она в Крыму — "нежелательное лицо" и что ее посадят в самолет, летящий в Москву (о своем намерении ехать в Москву она сказала сама). В аэропорту те же двое отвели Сеитмуратову в самолет, когда посадка была уже закончена. Узнав в салоне, что самолет летит в Ташкент, Сеитмуратова выбежала на трап, но ее "проводжаты", скрутив ей руки, в толкнули ее обратно.

В Ташкенте за домом, где остановилась Сеитмуратова, была установлена слежка.

Айше Сеитмуратова отправила 8 сентября протест Генеральному Прокурору. Она потребовала расследовать инцидент и наказать работников, совершивших противозаконные, насильственные действия, и призвала Генерального Прокурора "защитить ее человеческие и гражданские права".

СОБЫТИЯ В ГРУЗИИ

30 июня 1976 г. врач Л. Меладзе отправляла в Москве на Центральном телеграфе телеграмму врача Николая Самхарадзе Л.И. Брежневу. В этой телеграмме Самхарадзе уже не в первый раз требовал отмены решения о лишении его брата Бегляра пенсии (Хр. 38) и писал о его бедственном положении. Два сотрудника КГБ, вызванные, по-видимому, телеграфисткой, отвели Л. Меладзе в какую-то комнату в здании телеграфа и спросили ее, зачем она отправляет такую телеграмму. "Потому что этот человек — в безвыходном положении", — ответила Меладзе. Сотрудники сказали ей, что этого делать нельзя, так как со-

держание телеграммы могут узнать агенты США.

22 июля Николая Самхарадзе задержали возле его дома в Тбилиси и отвезли в КГБ, где с ним "беседовал" зав. отделом Татишвили. Татишвили требовал, чтобы Самхарадзе ответил, почему он отправляет подобные телеграммы и почему выступает с антисоветскими речами на собраниях у себя на службе. Татишвили напомнил Самхарадзе, что за подобные поступки в 1959 г. он был арестован и направлен на принудительное психиатрическое лечение.

Предметом "беседы" были также взаимоотношения Самхарадзе с Звиадом Гамсахурдиа и медицинское заключение об отравлении Гамсахурдиа, написанное Самхарадзе. Самхарадзе заявил, что он берет на себя полную ответственность за свой диагноз. Татишвили сказал ему, что за этот диагноз он может потерять работу. "Я не боюсь этого, — ответил Самхарадзе, — я не могу изменить профессиональной честности. Тем более что в машине Гамсахурдиа я сам испытал на себе действие отравляющего газа одновременно с ним: у меня поднялось давление". Татишвили посоветовал Самхарадзе никому об этом не говорить и вообще вести себя более осмотрительно. "Беседа" продолжалась около 8 часов.

* * *

В связи с вышеописанным эпизодом "Хроника" считает уместным процитировать заявление Звиада Гамсахурдиа от 25 сентября 1975 г.:

"Председателю КГБ при СМ ГССР гр-ну А. Инаури
копия: Председателю КГБ СССР гр-ну Ю. Андропову

Теперь для меня стало ясно, что 20 сентября текущего года органами КГБ против меня и моей семьи было применено токсическое оружие, которое запрещено международным законодательством, как об этом недавно сообщало ТАСС. В этом сообщении указывалось, что существует токсическое и биологическое оружие, которое может *убивать, а также временно выводить человека из строя*. Именно воздействию последнего подверглись я, моя супруга М. Арчвадзе и ее сестра Л. Арчвадзе в нашем доме в Тбилиси (ул. Гальская, 19).

Дом изолированный, с большой оградой, на обширной территории никто не живет, кроме нас, что, по-видимому, и об-

легчило локализацию действия оружия.

С утра мы чувствовали маленькое недомогание. К 12 часам моя супруга вышла в город и на улице почувствовала себя плохо. Ее пульс сильно участился, голова закружилась, появилась одышка, она еле добралась до дома. *В это же самое время* у меня были подобные же явления в моей рабочей комнате, хотя я раньше никогда не знал учащения пульса. Чуть позже почти сходные симптомы были у сестры моей жены Л. Арчвадзе, которой понадобились даже уколы.

Здесь же надо сказать, что от нехватки воздуха и учащения пульса погиб мой отец Константин Семенович Гамсахурдиа 17-го июля сего года...

Надо добавить, что вышеописанное состояние учащенного пульса, головокружения, слабости весьма напоминает состояние, описанное московским писателем Войновичем, который подвергся воздействию токсического оружия в гостинице "Метрополь" весной текущего года. (См. Хр. 36 – Хр.)

Я хочу вас предупредить, что подобные акции не принесут чести и славы органам КГБ".

Медицинское заключение, содержащее описание симптомов интоксикации и вывод об отравлении газообразным веществом, было написано врачом Н. Самхарадзе 2 октября 1975 г. 23 октября 1975 г. З. Гамсахурдиа сделал заявление, в котором говорится, что диагноз об отравлении был поставлен также врачом писательской поликлиники, с которой после этого беседовали сотрудники КГБ. В заявлении сказано далее, что симптомы исчезли 10 октября, но повторялись в слабой форме и позднее, причем снова одновременно у него самого и у его жены.

* * *

29 июня 1976 г. из Тбилисского института философии увезли в КГБ научного сотрудника Г. Гогочури. Его сопровождал сотрудник КГБ Копадзе, который специально "прикреплен" к институту. В КГБ Гогочури допросили не известные ему лица. Они спросили у Гогочури, почему у него дома иконы, и верно ли, что он дома устраивает религиозные празднества "Хатоба". Гогочури сказали также, что в его диссертации есть места, где выражены симпатии к религии. Потом Гогочури сказали, что он, как стало известно КГБ, высказывался против нового по-

рядка, который предусматривает защиту диссертаций в грузинских научных заведениях на русском языке, и назвали эти высказывания "национализмом". Ему недвусмысленно намекнули, что подобные факты чреваты для него опасными последствиями.

* * *

15 июля 1976 г. в Тбилиси в КГБ вызвали Медею Буадзе и Марию Тушишвили. Им заявили, что в КГБ попали размноженные на "Эре" экземпляры религиозной книги "Зеркало сердца человека". У М. Буадзе спросили, не она ли размножила эту книгу. М. Буадзе не отрицала, что это сделала именно она, так как не видела в этом ничего преступного. М. Тушишвили также заявила, что это не преступление, и призвала работников КГБ не преследовать религию.

* * *

16 июля 1976 г. в Тбилисскую республиканскую психиатрическую больницу пришел сотрудник КГБ Пирцхалава и провел беседу с сотрудниками больницы профессором А. Макаридзе, врачом П. Коитридзе и бухгалтером К. Хажомия. Пирцхалава сказал, что в КГБ поступил анонимный донос о том, что сотрудники больницы Б. Нанейшвили (зам. директора Института психиатрии) и Ш. Гамкрелидзе (зав. отделом фармакологии) часто ведут беседы антисоветского содержания на службе. В частности, они пересказывают другим сотрудникам больницы содержание иностранных радиопередач, которые систематически слушают, пересказывают содержание книг Солженицына, рассказывают о деятельности грузинского писателя-диссидента Звиада Гамсахурдиа и одобряют эту деятельность (издание самиздатского журнала "Золотое Руно", составление документов "О пытках в Грузии" и т. п.). Пирцхалава требовал от вышеназванных лиц подтверждения всего этого, однако ничего не добился. Сами "обвиняемые" Б. Нанейшвили и Ш. Гамкрелидзе не были опрошены. Гамкрелидзе "провинился" еще и в том, что возил на машине чешского гостя к себе в деревню, которая находится в 200 км от Тбилиси, в то время как иностранцам разрешается выезжать только за 70 км.

* * *

В "Хронике" 38 сообщалось о статье и переписке Звиада Гамсахурдиа в защиту памятника VI-XVIII веков, комплекса пещерных монастырей Давид-Гареджа, разрушаемого артиллерийски-

ми учениями. По этому же вопросу с письмом к видным представителям власти обратились заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, член Союза художников СССР, доктор искусствоведения, профессор Пирамишвили, член президиума Союза писателей Грузии, доктор филологических наук, профессор Цицишвили и член Союза писателей, доктор филологических наук Богомолов (все трое – члены КПСС). В письме цитируется ответ зам. командующего Закавказским военным округом генерал-майора Шкруднева министру культуры ГССР. Генерал называет памятник "развалинами бывших монастырей", которые "к большому нашему сожалению находятся в центре территории полигона". Авторы письма призывают кроме огромной культурной ценности памятника учесть "тот отрицательный политический эффект, которого можно ожидать со стороны мирового общественного мнения".

Начальник инспекции по охране памятников при Министерстве культуры ГССР Виктор Рцхиладзе и директор музея Давид Гареджа Виктор Бацацшвили в заявлении Генеральному Прокурору СССР от 20 августа 1976 г. потребовали привлечь разрушителей памятника к уголовной ответственности. В заявлении сообщается, что артиллеристы "взрывают снаряды непосредственно около пещер, расписанных средневековыми фресками... есть случаи прямого попадания (полностью уничтожен монастырь Вертубани). Кроме того, солдаты... учиняют надписи на фресках, имеющих мировое значение". 6 августа артиллеристы выгнали работников охраны и директора музея из служебных помещений, чтобы взрывать вблизи снаряды.

* * *

Колледж Королевы Марии Лондонского университета пригласил Звиада Гамсахурдиа прочесть цикл лекций о русских и грузинских переводах современной английской поэзии.

* * *

См. также раздел "Новости Самиздата" в настоящем выпуске.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Киев. 29 сентября – годовщина расстрела в Бабьем Яру. Активисты еврейского движения из разных городов Советского

Союза решили отметить этот день в Киеве возложением венков на братскую могилу. Киевских активистов заранее вызвали в горком партии, где им было сказано, что им не будут чинить препятствий. В то же время сотрудники КГБ приходили к ним домой и предупреждали, что участие в церемонии грозит им неприятностями.

Из Москвы собирались приехать несколько человек, но ни один из них не смог попасть в Киев к нужному сроку. В частности, А. Щаранского в течение нескольких дней сопровождал целый эскорт — на машинах и пешком. За несколько часов до отправления поезда, на который у него был взят билет, он был задержан и доставлен в отделение милиции, где подвергся многочасовому допросу, из-за чего опоздал на поезд.

Киевские евреи и несколько человек из других городов, которым все-таки удалось приехать, возложили венки к памятнику. Власти не препятствовали проведению траурной церемонии.

* * *

Одесса. Леонид Тымчук (матрос Одесского порта), которого в декабре 1975 г. суд признал виновным в "хулиганстве" (Хр. 38), с конца августа 1976 г. вновь начал замечать за собой слежку.

7 сентября, придя на работу в порт, Тымчук встретил сначала капитана КГБ Алексеева, постаравшегося остаться незамеченным, а затем — своего знакомого Г.О. Голумбиевского. Последний незадолго до того прилюдно объявлял, что он действует по заданию КГБ — например, "разгоняет антисоветские сборища" на квартире своей бывшей жены А.В. Голумбиевской (Хр. 34).

Голумбиевский подошел к Тымчуку и начал бессвязный монолог. Внезапно он повалился на землю с криком: "Тымчук меня ударил!". Поднявшись, он попытался отвести Тымчука в милицию. Многие работники порта, видевшие эту сцену во всех подробностях, пришли в полное недоумение и даже хотели отправить в милицию самого Голумбиевского. Тогда Голумбиевский быстро ушел.

Друзья Тымчука обеспокоены этими событиями — точно такими же методами создавалось обвинение в хулиганстве в прошлом году.

* * *

Жуковка (под Москвой). 28 июля корреспондент "Ассошиэтед Пресс" Джордж Крымски приехал со своей семьей на дачу Сахарова.

Незадолго до назначенного накануне по телефону времени его приезда возле дачи появился милиционер и пикет из "общественников" (так они именовались в возникшем позднее протоколе). Машину г-на Крымски остановили и предложили ему немедленно уехать, так как "поселок Жуковка закрыт для иностранцев". Крымски и Ефрем Янкелевич (зять Сахарова, пригласивший семью Крымски в гости) настояли на том, чтобы проверить это неожиданное сообщение в МИДе. Крымски был допущен к телефону, но только в сопровождении милиционера и "общественников", вошедших в дом вопреки возражениям Янкелевича. (Это — второй случай самочинного вторжения на дачу Сахарова — Хр. 41.) Сотрудник МИД подтвердил, что поселок Жуковка — закрытый.

До сих пор дачу Сахарова свободно посещали как иностранные корреспонденты, так и другие иностранные гости — например, Генрих Белль и директор Федерации американских ученых Джереми Стоун.

Об этом происшествии Е. Янкелевич сделал 14 сентября заявление "К вопросу о свободе передвижения иностранных корреспондентов и контактах между людьми".

* * *

Москва-Нюрбачан. В августе Е.Г. Боннэр и А.Д. Сахаров съездили в гости к А. Твердохлебову (Хр. 41). В пос. Мирном, куда летают самолеты из Москвы, записка начальника перевозок с просьбой найти им место в самолете Мирный-Нюрба за ночь пропала.

От Нюрбы до Нюрбачана Сахарову и его жене пришлось ночью прошагать пешком 15 км. Шоферы попутных машин объясняли им, что в этот день милиция запретила брать пассажиров в Нюрбачан.

* * *

Москва. 7 октября 1976 г. на московскую квартиру Александра Гинзбурга пришла милиция и увела его в отделение. Там его продержали три с половиной часа. В милиции Гинзбургу сказали, чтобы он уплатил штраф за нарушение паспортного режима и в 72 часа покинул Москву. Гинзбург отказался подписать протокол о нарушении, заявив, что больше 3 суток

подряд он в Москве не жил.

У Гинзбурга еще не "погашена" судимость. Поскольку он вышел из заключения в январе 1972 г. и имел срок 5 лет (Хр. 23), судимость у него, согласно ст. 57 УК РСФСР, будет погашена в январе 1977 г. До этого, хотя в Москве живет (и прописана) его жена с двумя малолетними детьми, он не имеет права жить в Москве. "Жить" в данном случае означает — "находиться подряд более 3 суток".

Милиция постоянно преследует Гинзбурга (Хр. 32, 34, 41).

* * *

Ленинград. На Кировском (бывшем Путиловском) заводе несколько месяцев назад около 400 человек 3 дня держали итальянскую забастовку (видимость работы, 3-4% плана), протестуя против плохого обращения администрации с работающими на заводе заключенными.

* * *

Латвия. В начале 1976 г. здесь распространялись листовки на латышском языке, призывающие латышей бороться за демократические права, гарантированные Конституцией. Листовки были подписаны "Демократический союз латвийской молодежи". Тексты были "набраны" из вырезанных из газет букв, наклеенных на лист бумаги. По-видимому, потом они были скопированы на "Эре".

Весной на русском и латышском языках распространялись листовки, призывающие русских уйти из Латвии. Листовки были изготовлены и подписаны так же.

Весной и летом появлялись напечатанные на машинке листовки экономического содержания.

Летом распространялись машинописные листовки, требующие освобождения политзаключенных в Советском Союзе, и листовки, в которых говорилось, что Хельсинкское соглашение "служит только юридическому оформлению территориальных приобретений СССР во Второй мировой войне".

В конце учебного года в школах появились листовки, в которых печатными буквами от руки было написано "Свободу Латвии!". В школах проводились специальные письменные работы, на которых ученики должны были писать обычным почерком и печатными буквами.

Летом на длинной стене, закрывающей вид на здание Рижской центральной тюрьмы со стороны железной дороги, круп-

ными черными буквами был написан лозунг "Освободить советских политических заключенных!".

* * *

Москва. Свердловский райисполком г. Москвы заставил церковный совет Церкви Преподобного Пимена уволить трех членов церковного хора, которым меньше 40 лет. Затем по приказу райисполкома из церкви уволили сторожа, после того как он отказался доносить на старосту и казначея.

* * *

Ленинград. 15 августа 1976 г. работник КГБ прочитал сотрудникам музея Пушкина лекцию. Он призывал слушателей к бдительности, предупреждал против контактов с иностранцами, обязал о каждой группе иностранных туристов, пришедших в музей, звонить в КГБ.

* * *

Берлин-Москва. Студентов из ГДР, обучающихся в советских вузах, перед отъездом из ГДР в СССР предупреждают, что, если они будут в СССР общаться со студентами из капиталистических стран, их немедленно отзовут обратно.

* * *

Молдавия. В августе 1976 г. через Молдавию должен был проехать Чаушеску. Поскольку в Молдавии очень сильны румынские настроения, власти, опасаясь бурной встречи румынского лидера, объявили, что Чаушеску проедет 3 августа, а проехал он 2-го.

* * *

Вильнюс. В начале сентября за дружбу с Виктором Пяткусом (Хр. 38, 40) из 11-го класса были исключены 3 ученика.

Пяткус был осужден в конце 40-х годов по ст. 58 старого УК на 25 лет, но в середине 50-х годов его амнистировали. Второй раз отбыл за "антисоветскую агитацию и пропаганду" 7 лет.

Через третьих лиц Пяткусу передали: "Все равно посадим!"

* * *

Москва. 25 июня 1976 г. доктор философских наук профессор А.А. Зиновьев на созванной им пресс-конференции выразил протест против отказа советских властей разрешить ему поездку на встречу логиков, организуемую Финляндской Академией наук. Зиновьев — член этой Академии.

Несколько лет назад профессор Зиновьев был уволен с долж-

ности заведующего кафедрой логики философского факультета МГУ, в частности, за защиту "подписантов". Сейчас он – старший научный сотрудник Института философии АН СССР.

После пресс-конференции Зиновьева лишили возможности читать лекции в университете и исключили из философского общества.

Дано указание снимать ссылки на его работы.

* * *

Киев. В сборнике "Проблемы общей и клинической физиологии сердечно-сосудистой системы" (Киев, "Наукова думка", 1976 г.) список литературы к одной из статей содержал названия нескольких статей группы авторов, в которую входил С.А. Ковалев. Когда сборник был опубликован, оказалось, что фамилия Ковалева изъята.

* * *

Москва. 26 сентября в лесу возле станции Фирсановка состоялось очередное "Воскресенье" ("минислет" самодеятельной песни – см. Хр. 41).

Первое отделение концерта было посвящено памяти Веры Матвеевой, участницы клуба самодеятельной песни, умершей в августе этого года в возрасте 30 лет. Исполнялось много песен ее сочинения или из ее репертуара, а также песни и стихи, ей посвященные. Как и на других "Воскресеньях", в концерте выступали все желающие.

В перерыве между двумя отделениями было зачитано заявление Валерия Абрамкина прокурору г. Туапсе (см. раздел "Аресты, обыски, допросы").

На концерт собралось человек 300-400; были и "наблюдатели", некоторые из них – с фотоаппаратами.

* * *

Москва. 11 августа 1976 г. к старшему инженеру ТСХА Александру Рыкову (Хр. 38) на работу пришел сотрудник Московского УКГБ капитан М.Г. Дэвонарь. Дэвонарь предложил Рыкову сотрудничать с КГБ, рассказывать о книжном черном рынке, узнать, кто такой "Бегемот" (кличка какого-то книжного спекулянта). Рыков, несмотря на угрозы Дэвонаря, от сделанного ему предложения отказался.

* * *

Москва. Напечатанное 2 февраля 1976 г. в американской газете "Интернейшнл Геральд Трибюн" сообщение о том, что

заместитель начальника 2-го отдела Главлита А. Соколов присваивал и продавал на черном рынке конфискованные цензурой эмигрантские антисоветские и прочие издания (Хр.38) вызвало переполох в Главлите. Все номера газеты были конфискованы и заперты в сейфы. Перевод статьи пошел гулять по столам высоких инстанций. Расследование было поручено старому сталинскому аппаратчику В. Фомичеву (первый заместитель начальника Главлита). В партком и дирекцию посыпались анонимки — многие с доносами, что Фомичев и другие начальники получали свою долю книг у Соколова. На закрытом партсобрании они оправдывались: "Неправда, книг у нас нет, можете дома посмотреть".

* * *

29 сентября СССР покинул Михаил Бернштам (Хр. 40).

ГРУППА СОДЕЙСТВИЯ

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, созданная в мае 1976 г. (Хр.40,41), передала общественности и главам правительств, подписавших Заключительный Акт Хельсинкского совещания, документ № 6 "О положении бывших политзаключенных в СССР", датированный 1 августа 1976 г.

В этом документе рассказывается о том, что для политзаключенных наказание не ограничивается указанным в приговоре. После освобождения, опираясь на неопубликованные пункты постановления "О некоторых правилах прописки граждан" (Хр. 34), их не прописывают по прежнему месту жительства (см. в следующем разделе письмо и заявление Надежды Светличной).

Кроме того, бывших политзаключенных часто ставят под административный надзор. Например, Ивана Кандыбу (Хр. 33, 39) не прописали во Львове, где живет его престарелый отец; его заставили поселиться в поселке Пустомыты в 20 км от Львова и сразу же поставили под надзор: ему запрещено выезжать за пределы поселка, а с 21 часа до 7 часов утра — выходить из дома. Кандыба пишет в письме:

"... Тем самым лишили меня права посещать моего одинокого 75-летнего отца, пользоваться речкой, озером, ходить в лес, не говоря уже о том, чтобы поехать на море, в

горы и т. д. ... Выходит, что не вышел я на волю, а переведен из зоны строгого режима опять в зону, тоже с режимом”.

1 октября Группа обратилась к Верховному Совету СССР и конгрессу США. В обращении предлагается:

”создать постоянную смешанную советско-американскую комиссию для проверки на месте как уже имеющейся, так и возможной в дальнейшем информации относительно психиатрических репрессий в обеих странах”.

В обращении говорится:

”Очевидно, советская сторона в этой комиссии уже сейчас располагала бы той информацией, которую дала ”Литературная газета”.

(Имеется в виду, например, статья И. Андропова, опубликованная 29 сентября, ”Ты критикуешь? В сумасшедший дом!” — Хр.)

”Мы надеемся, что, кроме того, борцы за гражданские права в США приложат усилия для предоставления Комиссии более подробной информации в дальнейшем. Американская сторона уже сейчас имела бы ту информацию, которая постоянно поступает от инакомыслящих в СССР, и кроме того мы готовы предоставить дополнительную информацию, включая, например, такую, которая никем не публиковалась из-за невозможности ее проверить своими силами”.

ПИСЬМА И ЗАЯВЛЕНИЯ

Ю. Орлов, В. Турчин, А. Сахаров — Совещанию Европейских коммунистических партий (23 июня 1976 г.).

Уважаемые делегаты Совещания Европейских коммунистических партий!

Мы обращаемся к вам с предложением включить в программу совещания вопрос о проблеме прав человека в государствах, возглавляемых коммунистическими правительствами, а также сформулировать общие и принципиальные положения по этой проблеме.

Необходимость соблюдения основных прав, провозглашенных Всеобщей декларацией прав человека ООН и частич-

но зафиксированных в Пактах о правах, стала в настоящее время общепризнанной. Руководители коммунистических партий стран Европы не раз заявляли о своей приверженности идее прав человека и демократической форме правления. Эти заявления можно только приветствовать. Ясно, однако, что о теории и практике коммунистических партий люди судят и будут судить по положению в тех странах, где коммунисты стоят у власти, и в первую очередь по положению в Советском Союзе. Хотя по сравнению со сталинским периодом положение в нашей стране коренным образом улучшилось, оно все еще характеризуется систематическим, массовым нарушением элементарных гражданских и политических прав личности, недемократическими формами правления и произволом властей.

Авторы письма выделяют два аспекта проблемы: о политике КПСС в отношении общественных организаций, о свободе информационного обмена, убеждений и совести – и формулируют ряд конкретных вопросов совещанию. Среди них:

– Возможно ли в коммунистическом государстве существование независимых общественных организаций?

– Считает ли совещание оправданными репрессии за распространение в Самиздате информационных и других журналов, в частности, "Хроники текущих событий"?

– Каковы должны быть в коммунистических государствах гарантии независимости судебной-правовой системы?

* * *

А.Д. Сахаров – Выступление на собрании Международной лиги прав человека (25 сентября 1976 г.; текст выступления прочитан на заседании Лиги 29 сентября).

Я очень благодарен за оказанную мне честь избрания вице-президентом Международной лиги прав человека. Как все собравшиеся в этом зале, я разделяю основной принцип, лежащий в основе деятельности Лиги, – первичность прав человека в комплексе проблем, стоящих перед человечеством.

Я надеюсь, что, несмотря на трудности правозащитной деятельности в СССР, мне все же удастся сотрудничать с Лигой. Однако необходимым условием такого сотрудничества является прекращение осуществляемой советскими властями

блокады моих международных телефонных и почтовых связей, которая имеет место (с небольшими перерывами) вот уже два года.

Сегодня здесь я не буду говорить о всех политических заключенных СССР, среди которых – осужденные за религиозную деятельность, за попытку покинуть страну, за чтение и хранение нежелательной властям литературы, по обвинению в так называемом ”национализме” и другие. Я хочу напомнить собранию о судьбе тех, чья деятельность носила непосредственно правозащитный характер, кто занимался сбором и распространением информации о нарушении прав человека в СССР. Они не политики. От своей деятельности они не ожидали никаких изменений в политической структуре нашей страны, не искали никаких благ для себя, напротив – их жизнь и жизнь их близких в результате такой деятельности становилась неимоверно трудной, часто нищенской, но судьбу каждого невинно осужденного они воспринимали как свою личную беду. Это Сергей Ковалев, Андрей Твердохлебов, Владимир Буковский, Семен Глузман, Кронид Любарский, Габриэль Суперфин, Виктор Хаустов, Анатолий Марченко и другие. Именно благодаря их позиции и деятельности сформировалось правозащитное общественное направление в нашей стране. Из-за голода, холода, часто непосильного труда и других лишений лагеря и ссылки здоровье и жизнь многих из них сейчас в опасности. Подробную информацию о положении каждого из них можно почерпнуть из изданий ”Эмнисти Интернейшнл”, ”Хроника-пресс” и других.

Я убежден, что в условиях, когда в ряде стран правозащитная деятельность жестоко преследуется, наш долг, долг Лиги – защитить свободу и жизнь наших друзей, товарищей и соратников по борьбе за права человека во всем мире!

А.Д. Сахаров был избран почетным вице-президентом Международной лиги прав человека в июне 1976 г. Он является членом Совета директоров Лиги. Лига – неправительственная организация, имеющая консультативный статус при ООН, ЮНЕСКО и пр. Ее штаб-квартира – в Нью Йорке.

* * *

А. Д. Сахаров – Президенту США и кандидату в президенты от республиканской партии Д. Форду, кандидату в президенты

США от демократической партии Д. Картеру (сентябрь 1976 г.).

В своем обращении А.Д. Сахаров говорит:

”Я убежден, что обеспечение во всем мире политических и гражданских прав человека, свободы убеждений и совести, свободы информационного обмена, свободы передвижения и выбора страны проживания неотделимо от основных задач, стоящих перед человечеством, — обеспечения международной безопасности, экономического и социального прогресса, сохранения среды обитания. Я убежден, что в защите прав человека не место изоляционизму и национальному эгоизму”.

Среди возможных международных действий Сахаров выделяет ”борьбу за всеобщую всемирную амнистию политзаключенных”. Обращение заканчивается словами:

”Я выражаю надежду, что принципы активной борьбы за права человека во всем мире будут занимать все большее место в политике США в духе свободолобивых и гуманных традиций американского народа”.

* * *

Борис Михайлов — Председателю Всемирного Совета Мира
д-ру Р. Чандра (август 1976 г.)

Многоуважаемый г-н Председатель!

Будучи отцом четырех детей и искренним сторонником мира, я разделяю пацифистскую направленность Стокгольмского обращения. Однако, на мой взгляд, оно нуждается в некоторых дополнениях. Мне кажется, что следовало бы точно обозначить весьма широкий круг государств, которые не подпадают под традиционное определение ”империалистический”, но экономика которых все более приобретает военизированный характер, армии превышают потребности обороны, вооруженные силы находятся далеко за пределами страны и которые широко практикуют поставку оружия иным государствам, какими бы мотивами ни обосновывалась подобная практика. Отсутствие точного адреса обращения побудило меня воздержаться от подписания настоящей редакции этого документа.

К сожалению, в учреждении, где я работаю, кампания по сбору подписей под Стокгольмским обращением превра-

тилась в проверку лояльности, выявление и безжалостное преследование всякого инакомыслия. Извращая мои взгляды, меня объявили сторонником войны, подвергли диффамации, грозят увольнением с работы, что повлекло бы утрату источника существования всей моей семьи. Уместно заметить, что оказываемое на меня давление противоречит миротворческому духу обращения и принципу добровольного участия в распространении и подписании этого документа. Насколько мне известно, мой случай не единичный, что тем более вызывает необходимость обсуждения подобной дискриминационной практики.

Направляя Вам, г-н Чандра, это письмо, я выражаю надежду на Вашу поддержку и заверяю Вас в своем неподдельном стремлении внести свой вклад в борьбу за мир без войн и насилия, которой посвящена деятельность Всемирного Совета Мира.

(Б. Михайлов – сотрудник музея "Останкинский дворец-музей творчества крепостных".)

* * *

Шаген Арутюнян – Заявление Председателю Президиума Верховного Совета СССР (30 июля 1976 г.).

Арутюнян просит Подгорного лишить его советского гражданства и разрешить выезд с семьей из СССР.

11 июля 1968 г. Арутюнян был арестован и по ст. 65 УК Арм.ССР (=ст. 70 УК РСФСР), 67 УК Арм.ССР (=72 УК РСФСР) получил 3 года.

В заявлении Подгорному Арутюнян пишет:

"После возвращения из лагерей в 1971 г. подвергался преследованиям со стороны КГБ. Мои моральные и политические убеждения расходятся с официальной идеологией, и я чувствую себя чуждым и непричастным этому миру".

* * *

Кестукис Иокубинас – Письмо первому секретарю ЦК КП Литвы П. Гришкявичюсу (22 июня 1976 г.).

К. Иокубинас сообщает, что в течение двух лет на его заявления о выезде к брату в Канаду (и на просьбы брата) он получает отказы, в последний раз с мотивировкой: "... так как удовлетворить просьбу нет возможности". К. Иокубинас пишет:

”Если бы кто-нибудь стал утверждать, что в Литовской ССР господствует рабовладельческий строй, его бы привлекли к ответственности за ”клевету на советскую действительность”. Но какая другая общественная формация запрещает гражданам покидать свое место жительства? Хотел бы знать, по какому праву или на основании какого закона я оказался прикованным именно к этой стране”.

(К. Иокубинас — бывший политзаключенный, отбывший два срока; второй — за попытку поговорить с иностранным моряком в порту Игарка. Сейчас он живет в Вильнюсе, работает в республиканской библиотеке.)

* * *

Надежда Светличная — Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу Л.И. (14 августа 1976 г.).

”На протяжении последних четырех лет я пребывала в лагере политзаключенных-женщин в Мордовии. Единственной своей виной я признавала и признаю недостаточное знание законов, в частности, ст. 125 Конституции СССР и ст. 19 Декларации прав человека.

Полагаясь на гарантированное этими документами право каждого человека на любую информацию, я читала, в частности, литературу самиздата, за что и попала в тюрьму...

Неужели я так и не научилась понимать советские законы? Полтора года назад я познакомилась с ”Положением о паспортах” и ”Некоторыми правилами прописки граждан”, опубликованными в прессе, где соответствующая статья гарантирует людям, возвращающимся из заключения, возобновление прежней прописки, независимо от жилплощади, у родителей, супругов и других родственников. Мне же вместе с моим малолетним сыном, не успевшим еще ни в чем ни перед кем провиниться, на протяжении четырех месяцев доказывают, что мы не имеем права жить в Киеве, где до ареста были постоянно прописаны в квартире брата, мотивируя отсутствием жилплощади по санитарной норме. (Теперь получается по 9 с половиной метров на каждого, а раньше было по 7 м, и не возникал вопрос о недостатке площади.)...

Или, может быть, я снова неправильно понимаю законы, и ”прежняя прописка”, про которую говорится в ”Положении

о паспортах”, — это прописка в неволе, откуда я недавно вышла.

Тогда прошу отправить меня снова в лагерь, чтобы я не сказала словами Шевченко: ”Я теперь на воле. На такой воле, как собака на привязи”.

* * *

Надежда Светличная — Заявление (27 сентября 1976 г.).

В мае этого года я освободилась из Мордовского политического женского лагеря, где находилась 4 года. По существующему ”Положению о паспортах” я должна быть прописана после освобождения там, где жила до ареста, т. е. в Киеве. Тем не менее, мне отказали в праве проживания в этом городе и вообще где бы то ни было, кроме одного места — села Половинкино Ворошиловградской области, откуда я родом, но где не жила уже 23 года и возвращение куда по многим причинам для меня крайне тяжело.

Принуждая меня жить там и только там, меня фактически обрекают на ссылку, не предусмотренную приговором.

Месяц назад я послала письмо в ЦК КПСС Л.И. Брежневу с просьбой разрешить мне прописку в Киеве в соответствии с законом, но ответа не получила. Сегодня я пойду выяснять, почему не было ответа. Если он отрицательный, видимо, у меня и моего семилетнего сына не останется другого выхода, кроме эмиграции, но и это, как известно, зависит не только от моего желания.

* * *

Н. Строкатова, М. Ланда — в Международную федерацию участников движения Сопротивления (октябрь 1976 г.).

Письмо в защиту Надежды Светличной и ее сына (см. выше).

* * *

Нина Строкатова-Караванская —

- 1) в Комитет неправительственных организаций при Детском фонде ООН,
- 2) в Международную лигу прав человека,
- 3) в организацию ”Всемирная добрая воля”.

Письма призывают выступить в защиту Петра Старчика (см. раздел ”За песни — в больницу”).

* * *

Открытое письмо Инициативной группы защиты прав человека в Грузии русскому отделу передач радиостанции Би-Би-Си.

Наша Инициативная группа защиты прав человека в Грузии возмущена тем фактом, что вы, без проверки и без соответствующих комментариев, 27 июня 1976 г. повторили ложную информацию ТАСС относительно якобы хулиганского поступка члена нашей Инициативной группы, члена "Международной Амнистии", писателя Звиада Константиновича Гамсахурдиа (см. Хр. 41 – Хр.)...

Если вы не сделаете соответствующее заявление... у нас создается впечатление, что вы, считаясь с желаниями советского правительства, закрываете глаза на истинное положение дела.

Ираклий Кенчшвили
Мераб Костава
Виктор Рцхиладзе

* * *

Леонид Серый – Обращение к правительствам США, Англии, Канады, Австралии, ФРГ и Франции, в Международный комитет по правам человека, в Международный Красный Крест (сентябрь 1976 г.).

В семье Серых (ему самому 40 лет, жене – 32 года) 6 детей от 1 года до 13 лет. Он, работая токарем в порту, получает в среднем 180 рублей в месяц (чистыми), вместе с пособиями их месячный доход составляет примерно 230 рублей. Л.М. Серый приводит подробные данные о ценах и ассортименте товаров в магазинах и на рынке, чтобы объяснить, как и почему они голодают и не могут купить многих необходимых вещей.

Л.М. Серый описывает также все свои неудавшиеся попытки увеличить доход лучшей или дополнительной работой (он выполняет норму на 140%), устройством жены на работу, совместную с ведением дома. Он пишет:

"Я был не удовлетворен таким положением, начал протестовать, высказывать недовольство вслух, писать жалобы, отказывался ходить на политзанятия. Я считаю, что на работе надо работать, а не заниматься демагогией, лозунгами, призывами и заседаниями, и говорю это прямо в лицо начальству, в результате меня преследуют, называют антисоветчиком".

В ответ на жалобы в Москве и Киеве Серым угрожали: "У вас нездоровые мысли, и мы можем вас подлечить".

В конце обращения Леонид Михайлович пишет:

"Видя все это и ощущая на себе, мы уверились в том, что у нас человек труда не имеет права на протесты; профсоюзы наши также не имеют прав и не пытаются их иметь. На все письма наши — одни запугивания и насмешки. Мы решили написать письмо XXV съезду КПСС с просьбой — отпустить нас за границу в *любую* капиталистическую страну. И еще ~~написали~~ им, что денег у нас нет и все расходы по переезду пусть возьмут на себя...

Помогите нам, не дайте умереть здесь от недоедания постоянного. Равнодушие — это ведь тоже преступление перед Богом.

А нашим руководителям пускай будет стыдно, что их рабочие не в состоянии прокормить свою семью, а кормить народ обещаниями и лозунгами стыдно. Помогите, пожалуйста, нам уехать.

Хотелось бы в Америку или в Канаду. В Канаде тоже есть украинцы, и нам легче было бы с языком. Мы тоже украинцы.

Будем ждать, если не помрем! Надеемся!"

Адрес Л.М. Серого: 270005, Одесса, ул. Фрунзе 199, кв. 128.

НОВОСТИ САМИЗДАТА

"Аушра" № 3 (июнь 1976 г.).

О первых двух номерах этого литовского журнала коротко сообщалось в "Хронике" 39, 40. В третьем номере опубликовано 8 статей.

1. Кястулис Даугирдас. "Как Литва лишилась независимости", 28 стр. Описываются события 1939-40 гг. После того как по тайному договору между Германией и СССР Восточная Европа была разделена на области их государственных интересов, осенью 1939 г. в три прибалтийские республики были введены, согласно "договорам о взаимной помощи", части Красной Армии. Вымышленная история об исчезновении в Вильнюсе нескольких

красноармейцев была предложено для ультиматума 14 июня 1940 г., ввода более крупных соединений и формирования "Народного правительства" Ю. Палецкиса. В ночь с 11 на 12 июля 1940 г. в Литве прошли массовые аресты. 14 июля были проведены выборы в Сейм, давшие т. н. "Союзу трудового народа" по официальным данным — 90% голосов, а по мнению автора, ссылающегося на ряд источников, — 15-16% голосов. 21 июля Сейм попросил Верховный Совет СССР принять Литву в СССР.

2. В.Л. "Полонизация или русификация?" (6 стр.).

Автор приводит данные о развитии польских школ в Вильнюсе и его окрестностях и трактует полонизацию как этап русификации этих районов.

3. И.А. "Алкоголизм — национальное бедствие" (3 стр.).

Попытка властей (1972 г.) остановить процесс не привела ни к чему. Автор приводит много статистических данных, например: в 1972 г. потребление алкоголя в Литве составляло 116 руб(чел) год, в 1974 — 156 руб(чел) год; в 1974 г. в СССР продано спиртных напитков на сумму 17 миллиардов рублей.

4. Письмо в лагерь. Литва-Мордовия. 1975. XII. 12 (3 стр.).

Автор письма — Сянялис (Дедушка) — обращается к заключенным мордовских лагерей Нийоле и Людасу. Об их суде он прочел в "Хронике ЛКЦ", там же он узнал их адрес. Автор и сам побывал на "этом островке ГУЛага". Сянялис клянется сделать все возможное для возвращения Нийоле и Людаса в Литву.

5. В.П. "Как рождаются традиции?" (6 стр.).

Автор статьи высказывает глубокое сожаление по поводу забвения старинных церковных обрядов, национальных традиций и пр. Он сетует, что празднования "социалистических праздников", как правило, сопровождаются обильными возлияниями, чему чрезвычайно способствует торговля спиртными напитками и закуской с временных лотков.

Говоря о попытках внедрения новых обрядов, автор статьи останавливается на известном в Литве "Дне поминовения". Официальная пропаганда гордится идеей отмечать этот день, однако, сообщает автор, мы хорошо помним и знаем, как "широко" у нас отмечается годовщина Ромаса Каланты, к могиле которого в годовщину его смерти попросту никого не пускают.

6. Письмо директору Литовского академического театра

оперы и балета *Виргилиусу Норейке*.

10 апреля 1976 г. в газете "Теса" была опубликована статья "Кому служат клеветники", посвященная, в основном, супругам Юрашасам, описывающая их отъезд из Литвы и деятельность за границей. Авторы аннотируемого письма обращаются к известному литовскому певцу, выступившему в названной статье "главным обвинителем" И. Юрашаса, бывшего гл. режиссера Каунасского драмтеатра, с вопросом, действительно ли ему неизвестны мотивы, побудившие Юрашаса покинуть родину. Как известно, Юрашас, постановщик многих талантливых спектаклей, не выдержал цензурного гнета и в августе 1972 г. направил открытое письмо в Министерство культуры и другие инстанции, где заявил, что больше не желает калечить спектакли в угоду цензуре и на компромиссы не пойдет. Он был немедленно уволен с работы, не смог устроиться ни на какую другую работу по специальности и, наконец, отчаявшись, эмигрировал. Авторы письма напоминают маститому певцу о том, что в Литве, вопреки его уверениям, не созданы нормальные условия для художественного творчества, что в руководимом Норейкой Литовском оперном театре не идет ни одна национальная опера, что сам Норейка все реже выступает на сцене. Авторы обвиняют Норейку в преднамеренной лжи, карьеризме и малодушии. Подписано : вильнюсские интеллигенты.

7. "Как советская власть реставрирует национальные исторические памятники".

В статье рассказывается, как в советской Литве разрушаются памятники старины, особенно — церковные здания. Как пример, приводится история с Храмом Воскресения в Каунасе, святыней литовского народа. Это здание, долгое время пустовавшее, было в конце концов с огромными затратами перестроено под радиозавод. В статье содержатся сведения о том, что сразу же после войны была осквернена могила Неизвестного солдата, в саду у Военного музея потушен Вечный огонь, разрушен монумент Свободы. Подписано: Тауцьонис (примерный перевод — человек из народа).

8. "Антанас Пошкус — не краевед!"

В статье описано, как работники Вильнюсского музея атеизма добывают экспонаты для своих стендов. Под вымышленными именами они ходят по деревням и выпрашивают у крестьян

и священнослужителей церковную утварь, говоря, что пожертвованные предметы украсят краеведческий музей. Особенным усердием отличается некий Антанас Пошкус. Имеются основания считать, что это псевдоним директора музея.

* * *

“Память.” Исторический сборник. Выпуск 1. Москва, 1976.

Во вступительной статье редакция объявляет, что сборник будет содержать материалы по истории (главным образом, послереволюционной) нашей страны. Редакция намерена издавать сборник не реже 1-2 раз в год и призывает читателей к активному сотрудничеству. Представителем сборника “Память” за рубежом названа член редакции Наталья Горбаневская.

В первый выпуск (около 650 машинописных страниц) входят мемуары бывших заключенных, очерки о “делах” 40-60-х годов, публикации документов, отрывочные свидетельства, рецензии. Многие материалы снабжены редакционными комментариями. В разделе “Воспоминания” опубликованы:

М.Л. Шапиро – “Харбин, 1945”. Отрывки из обширных мемуаров эмигрантской журналистки, арестованной за статьи 30-х годов после вступления советских войск в Манчжурию и умершей после 10 лет лагерей в инвалидном доме в Мордовии (где и писались мемуары).

О.И. Ясевич – “Из воспоминаний”. Три главы из записок соловчанки конца 20-х годов, прошедшей по “религиозному” делу.

Г.Д. Залмановская – “Этап в войну”. Запись устного рассказа об эвакуации заключенных летом 1941 г.

М.Б. Шульман – “Моя жизнь в письмах-новеллах”. Автор, оставшийся убежденным коммунистом после 15 лет лагерей, описывает свои мытарства после реабилитации.

В разделе “Статьи и очерки” помещены:

– статья о состряпанном МГБ “террористическом” студенческом деле 1944 г. (В. Сулимов, Е. Бубнова, В. Фрид, Ю. Дунский, М. Левин, Н. Ермакова и др.);

– рассказ о компании молодых людей, арестованных в 1945г. (Н. Вильямс, Л. Медведский, Ю. Цизин, Л. Малкин и Ю. Гастев – рассказчик), с многочисленными отступлениями о жизни тех и предшествующих лет;

– очерк истории т.н. “Союза коммунаров” в Ленинграде

(1963-1965), более известного как группа "Колокол";

– статья "Памяти Анны Петровны Скрипниковой", где рассказывается о помощи А.П. Скрипниковой своим бывшим товаркам по мордовским лагерям. (Биография Скрипниковой рассказана в "Архипелаге ГУЛАГ".)

В разделе "Из истории культуры" – три "письма вождям": М.А. Волошина – Каменеву (1924), Н.Я. Хазиной-Мандельштам – Молотову (1930) и Л.Ю. Брик – Сталину (1935, именно в резолюции на этом письме, адресованной тогдашнему секретарю ЦК Н.И. Ежову, Сталин изрек процитированную уже на следующий день в "Известиях" фразу о "лучшем и талантливейшем поэте").

Раздел "Varia":

"Екатерина Павловна Пешкова и ее помощь политзаключенным", "Письма В.О. Левицкого из ссылки", "Эпизод из истории Соловков", "Три письма старому революционеру", "Лагерь на острове Назино", "Девочка в матроске: комментарий к фотографии", "Победителей не судят...", "Партийная реабилитация".

Далее идут три рецензии:

И. Вознесенский – "Имена и судьбы". Журнальный вариант исследования по истории Академии наук, отправной точкой для которого послужил юбилейный справочник "АН СССР. Персональный состав" (М., "Наука", 1974).

П. Надвоицкий – "Недорисованный портрет". Саркастическое исследование изданного в 1970-72 гг. Институтом марксизма-ленинизма "полного" собрания кинофото документов о Ленине.

Р. Пименов – "Заметки о книге "Четвертое измерение". Критический разбор лагерных мемуаров, изданных в 1974 г. "Посевом", как исторического документа.

В разделе "Документы": кассационная жалоба А.П. Бабича (1947, о судьбе Бабича см. "Архипелаг ГУЛАГ"), приговор по делу "Колокола" и несколько других текстов.

Завершается выпуск библиографией тюремной печати с 1921 по 1935 гг., сопровождаемой обширной статьей, исследующей вопрос о внутритюремной печати как источнике для изучения ГУЛага.

Редакция отмечает, что она отнюдь не намерена ограничи-

ваться в дальнейшем "лагерной" тематикой.

Весь сборник носит подчеркнуто внепартийный характер.

* * *

В.Ф. Турчин. **Инерция страха. Социализм и тоталитаризм** (250 стр., Москва, 1976).

В предисловии автор пишет:

"Осенью 1968 года я написал брошюру "Инерция страха", которая тогда получила довольно значительное распространение в Самиздате. Настоящее издание написано заново и является, таким образом, новой работой, хотя и основанной на тех же идеях, что и первичный вариант. Я хочу перечислить важнейшие из этих идей: позитивизм в области философии и социализм (но не марксизм) в общественных воззрениях; убеждение в ведущей роли мировоззрения в социальных движениях; основные демократические свободы и права личности как ключевое условие для нормального развития общества; градуализм (постепенность преобразований — Хр.) в политике; усмотрение в интеллигенции той силы, которая в принципе может, а следовательно и должна добиться демократических преобразований; чрезвычайно критическая оценка реально существующей интеллигенции; призыв к преодолению инерции страха, укоренившегося в сталинские времена и сковывающего общественную инициативу".

* * *

Звиад Гамсахурдиа. **Непроизнесенное слово**. Открытое письмо президиуму VIII съезда грузинских писателей (24 апреля 1976 г., 19 стр.).

З. Гамсахурдиа — делегат съезда — "счел за унижение просить слово у тех лиц, которые, согласно закону, не должны были иметь... отношения к распределению речей на съезде писателей" (т. е. у работников ЦК КП Грузии). По словам автора, грузинская официальная литература глуха к болям своего народа, о них ни слова не сказал никто из делегатов съезда, кроме Реваза Джапаридзе (ему дружно аплодировал зал, но не члены президиума, а секретарь ЦК Э. Шеварнадзе в заключительном слове назвал его речь "взламыванием открытых дверей"). "Магистральной линией грузинской литературы всегда было и будет служение высоким духовным идеалам, — говорит Звиад Гамсахурдиа, — углубление национального самосознания...

Литература бесспорно должна воспитывать в человеке интернациональное чувство, но тот интернационализм, к которому призывают наш народ, не является истинным интернационализмом, но маской эгоистических интересов одного всем известного народа, который старается этим путем поглотить интересы остальных народов”.

Автор протестует против того, что борьбу за примат грузинского языка и требования достаточно полного и объективного преподавания грузинской истории квалифицируют как ”проявления национализма”. В ходе аргументации автор подробно цитирует известное письмо Ленина 1922 г. ”К вопросу о национальностях или об автономизации”, напечатанное после XX съезда КПСС, и ссылается на добрые слова о грузинском народе и грузинской культуре А. Белого, Б. Пастернака и других деятелей русской культуры, напоминает о бедствиях, постигших Грузию за годы советской власти.

Гамсахурдиа критикует методы ведущейся сейчас борьбы с коррупцией: исправление тяжелого экономического положения заменяется репрессиями, не коснувшимися, по сути дела, расхитителей и взяточников из ”привилегированной касты”, а печать ведет клеветническую кампанию с целью создать у читателей устойчивое мнение, что именно Грузия — средоточие столь распространенного ныне морального разложения. Углублению этого разложения, считает З. Гамсахурдиа, служит и так называемая борьба против вредных обычаев и традиций, являющаяся ”лишь маской для борьбы против религии и национального своеобразия”. Он говорит: ”Вообще надо помнить, что борьба с религией вызывает лишь моральное растление общества, увеличение преступности, усиление антикультурных тенденций в народе”.

Автор заключает: ”Самым негативным явлением у нас надо считать то, что ныне в Грузии русификация превратилась в основную линию государственной политики”.

* * *

Звиад Гамсахурдиа, Валентина Пайлодзе (Палиани). Под маской ”борьбы с вредными обычаями” правительство грабит церкви (10 сентября 1976 г.).

Авторы сообщают, что в Сванетии подавляющее большинство населения — верующие, но церковная служба не ведется ни

в одном храме. Патриарх Давид V отказывается прислать сванам священника; абхазский священник Давид (Пипия), который тайно крестит детей в Сванетии, услышал от него: "Я не могу идти против правительства".

В статье рассказано также (это основная тема статьи) об угрожающем положении икон, среди которых есть весьма древние и почитаемые, и других церковных ценностей. Многие из них вывезены государственными органами, часть лежит в сейфах в закрытых церквях, но в последнее время произошло несколько таинственных ограблений. Сваны противодействуют попыткам увоза икон.

* * *

Теймураз Джанелидзе. Под маской "борьбы с вредными обычаями" правительство запрещает религиозные праздники (9 сентября 1976 г., 4 стр.).

Автор статьи — педагог — и еще 3 грузинских интеллигента побывали 29 июля на празднике св. Квирикэ в селе Кала в Сванетии. Им с большим трудом удалось попасть на праздник, так как милиция перекрыла дороги к селу Кала. Секретарь райкома, к которому они обратились за содействием (они хотели записать народные песни и обычаи), объяснил эти меры "борьбой с суевериями" и пугал их тем, что на празднике происходит пьянство, поножовщина и пр. Он согласился, впрочем, проявить снисходительность к шоферу, который взялся бы их доставить в село Кала.

Автор описывает атмосферу праздника, происходившего красиво и в полном порядке, и связанный с ним обычай всеобщего примирения. Он возмущен борьбой с христианством, "которое до мозга костей пронизывало достойных сыновей Грузии".

Джанелидзе пишет: "Борьба с религией — это борьба также и с культурой, в которой она воплощена, это борьба также и с прошлым...".

* * *

Звиад Гамсахурдиа. Антиправительственные протесты в Грузии в 1976 г. (17 сентября 1976 г., 5 стр.).

Речь идет о пожарах и взрывах, происходивших в последнее время в Грузии (в 1975-76 гг. — свыше 300 случаев, из них в Тбилиси — около 50). В статье описано (место, дата, величина

ущерба, характер диверсии) 15 случаев, имевших место в 1976 г., и упомянуто несколько наиболее крупных поджогов и взрывов 1975 г. Приводятся некоторые данные о борьбе правительственных органов с диверсиями.

Автор полагает:

”Пожары и взрывы можно разделить на два вида. Первым, наиболее распространенным видом являются пожары, которые устраивают сотрудники того или иного учреждения, чтобы спастись от когтей ОБХСС...

Вторым видом являются пожары и взрывы протеста, как, например, взрыв на авиационном заводе, взрыв у дома правительства, пожары на автостанциях, на заводах и т. п.”.

* * *

Виктор Некипелов. Анестезия.

Сборник стихотворений, написанных в основном в 1974-75 гг. в заключении (Хр. 32).

* * *

Виктор Некипелов. Институт дураков. (Записки об Институте им. Сербского) (194 стр.).

Автор описывает свое пребывание в январе-марте 1974 г. на экспертизе в Институте им. Сербского, дает яркие характеристики медперсоналу и товарищам по несчастью.

Сначала он отказывался разговаривать с врачами, в конце — внезапно разговорился. Некипелов высказывает предположение, что это было вызвано лекарствами, подмешанными ему в пищу.

* * *

М.С. Бернштам. Что означают события минувшей недели” (21 сентября 1976 г., 4 стр.).

Рассуждения о репрессиях и угрозах в отношении П. Старчика, Вл. Борисова (о них сообщается в наст. выпуске), Е. Барабанова, Л. Регельсона (15 сентября ему угрожали арестом) приводят автора к выводу, что эти события знаменуют собой новый поворот в политике властей, демонстративное пренебрежение соглашениями о правах человека. Особо опасным он считает положение Борисова, а также Е.В. Барабанова (Хр. 30), за которым ”идет охота... с целью доставить его на принудительную экспертизу в психиатрический диспансер”.

Бернштам призывает к "активной и принципиальной позиции русской и мировой общественности".

* * *

Анна Герц. К вольной воле заповедные пути... (Москва, 1972).

Этот роман "из жизни диссидентов" приобрел довольно широкое хождение в Самиздате, а Роман Гуль, редактор нью-йоркского "Нового журнала", печатающего роман, предсказывает, что он станет бестселлером 1976 года.

* * *

Лариса Богораз. Мелкие бесы. Статья о романе "К вольной воле заповедные пути..." (июль-август 1976 г., 14 стр.).

Л. Богораз определяет жанр этого произведения как "дамский роман" (в качестве образчиков этого жанра приводятся романы Антонины Коптяевой, Всеволода Кочетова, мемуары Натальи Решетовской). Что же касается специфического диссидентско-самиздатского фона романа, то он, по мнению Богораз, служит превращению "обыкновенной аморалки" в "групповое дело" о "бездушии и безответственности перед обществом".

"По какой же статье обвинение?"

Со времен Достоевского в России стало традицией всякое общественное движение называть бесовщиной. В конце 60-х — начале 70-х годов нашего века это определение прямо-таки вошло в моду... Увы, мы привыкли рассуждать по аналогии и поклоняться авторитетам: сказывается мелкость чувств и лень мысли. Салонные критики даже не пытаются рассмотреть существенные свойства — хорошие или дурные — нового общественного явления, многозначного и многообразного, с неисследованным генезисом и неизвестной структурой. Вместо этого они выписывают действительные и мнимые его пороки, злорадствуют, обнаружив пену и мусор на его поверхности... Вот для этих критиков роман Анны Герц... будет приятным презентом — тем более, что в романе просвечивают фотографические портреты".

При этом у Анны Герц не хватает смелости осудить явление в целом — "вот откуда межеумочность, жалобные попытки все понять, все простить, вялая ненависть и принужденное примирение".

Очень резко Богораз пишет о литературных приемах автора романа, о чертах реальных людей, приданных персонажам книги. В конечном счете — независимо от воли автора — ”эти люди оклеветаны Анной Герц, причем, будучи переименованными, не могут подать на нее в суд”. Автор ”удивительным образом ухитряется увидеть в людях и событиях все пустейшее, все поверхностное, второстепенное и постороннее”.

В заключение Лариса Богораз предлагает напечатать роман в издании АПН как произведение, ”не менее ценное в идеологическом поединке”, чем, скажем, ”В споре со временем” Н. Решетовской, вышедшее недавно в этом издательстве.

ДВА НЕКРОЛОГА

Памяти Константина Богатырева

Константин Богатырев прожил трудную жизнь. Молодым человеком он был приговорен к смертной казни, замененной двадцатью пятью годами лагерей, из которых он отсидел пять с лишним. Но и после лагеря вплоть до недавнего времени он с нетерпением ждал окончания своего двадцатипятилетнего срока. Ему казалось, что, пока срок не вышел, его могут вернуть в камеру досиживать. Досиживать ему не пришлось.

Недавно мы, его друзья, вместе с ним отметили окончание этого срока. Но кто-то уже решил привести в исполнение тот первый приговор — к смертной казни. И вот вечером на темной лестнице подлый убийца нанес свой жестокий удар.

Тот судья, который 25 лет назад вынес свой приговор, и тот, кто теперь привел этот приговор в исполнение, совершили одно общее преступление, и место им — на одной скамье подсудимых.

Мы не знаем имени убийцы, но почерк его нам знаком. Он из тех, кто швыряет булыжники в окна мирных людей, из тех, кто угрожает расправой женщинам и грудным детям, из тех, кто по-звериному ненавидит всех, думающих не так, как он, или вообще как-то думающих.

Злодей, совершивший это убийство, может быть, никогда не попадет за решетку. Но Высший суд есть, и приговор уже произ-

несен. Прежде чем лишиться жизни Богатырева, этот ничтожный ублюдок сам убил в себе человека. И кто бы он ни был, уделом его будет собачья жизнь и собачья смерть.

За гробом Богатырева шли сотни людей: родные, друзья, знакомые и незнакомые. И я вспомнил другие похороны. Бывший каратель доживал свои дни, презираемый всеми, включая родных детей. Он жил в страхе перед грядущим возмездием, не понимая, что оно уже наступило. Он жил в страхе и умер от страха. Пришли два автобуса. Но ехать в них было некому. Некому было нести ордена. Гроб донести до машины просили случайных прохожих. Вдова решила устроить поминки и накрыла стол на 50 человек. Пришли двое. Они просто хотели выпить.

Костя был талантливым переводчиком немецкой поэзии. Он был скромным, честным, совестливым и храбрым человеком. Храбростью своей он не бравировал – она была нормой его поведения. И вот за то, что он был таким, его убили.

Жизнь его была драматична и завершилась трагически. Но сама смерть вознесла его высоко над нами, и он уже ни для кого недосыгаем. Теперь его нельзя ни посадить, ни расстрелять, ни унижить. И чем подлее он убит, тем надежнее останется он в нашей памяти и в своих литературных работах.

Владимир Войнович

(Произнесено на похоронах 20 июня 1976 г. Восстановлено по памяти.)

Михаил Дяк

17 августа в украинском селе Кальна (Ивано-Франковская обл.) в возрасте 41 года скончался Михаил Дмитриевич Дяк.

В марте 1967 г. Михаил Дяк был арестован как один из руководителей "Украинского национального фронта". В том же году был осужден на 12 лет лишения свободы (из них первые 5 лет – в тюрьме) и 5 лет ссылки.

До ареста Дяк был участковым милиционером в Долинском районе Ивано-Франковской области. В этом районе и в соседних появлялись листовки "антисоветского содержания". Обеспеченное начальство требовало от Дяка оперативного розыска "преступников", однако их долго не могли поймать – может быть, потому что среди них был сам Дяк.

После Владимирской тюрьмы Дяк попадает сначала в Мордовию, потом — в Пермский лагерь № 35.

Еще в Мордовии у Дяка началась страшная болезнь — лимфогранулематоз (одна из форм рака крови). Современная медицина не умеет вылечивать эту болезнь, но своевременно начатое лечение может продлить жизнь больного на довольно долгий срок.

Лагерные врачи разъяснили Дяку серьезность его заболевания, а лагерное начальство предложило ему попросить помилования — на этом условии его обещали освободить по состоянию здоровья. "Но я не считаю себя виновным, — ответил Дяк, — в чем же я должен раскаиваться, за что просить прощения?" Этот "торг" длился больше трех лет. Наконец, в мае 1975 года Дяка сактировали без просьбы о помиловании, но к этому времени дни его были сочтены. Выйдя на волю, он сменил тюремные стены на стены больничной палаты, где пребывал почти постоянно.

Он умер, прожив после освобождения чуть больше года, испытывая страшные мучения и зная, что умирает.

Какой это был мужественный, твердый человек, видно даже из этого краткого жизнеописания, а его друзья — и по лагерям, и по воле — знают, что это был неотразимо обаятельный человек: спокойный, добрый, терпеливый, к тому же — интересный, хотя и немногословный, собеседник. Он умер не в лагере, а в больнице, но его преждевременная смерть, как и смерть Юрия Галанскова, — несмываемое пятно на совести его тюремщиков.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абанькин В.	33, 58-59, 65	Бердяев Н.	13	Витмайер	24
Абель Э.	66	Бериташвили М.	28	Военный М.	74
Абилев М.	72	Бернштам М.	59, 85, 102-103	Вознесенский И.	98
Абрамкин В.	26-27, 84	Блейле А.	24	Войнович В.	77, 105
Абрамов А.	28	Бобылев	54	Волков О.	11-12
Аваков	53	Богатырев К.	104, 105	Волошин М.	98
Айрикян П.	37	Боголюбов А.	13	Воробьев О.	53, 62, 63
Алексебин Ю.	36	Богомоллов	79	Воронцов	54
Алексеев	80	Богораз Л.	103-104	Вудка Ю.	62
Алексеева Л.	9, 14, 59	Бодлер Ш.	38	Галансков Ю.	106
Альтман А.	40, 44, 47	Бойцова Л.	49	Галдикас Б.	65
Аметов Э.	72, 74, 75	Болонкин А.	39, 67	Галич А.	13
Аметова А.	72	Бондарь Н.	33	Гамкрелидзе Ш.	78
Андронов И.	86	Боннэр Е.	31, 81	Гамсахурдиа З.	76, 77-79, 93, 99-101
Андропов Ю.	76	Борисов Вл.	11-15, 102	Гамсахурдиа К.	77
Апраксин К.	9	Бороздин	16	Гастев Ю.	97
Аргентов А.	68	Борцов	27	Геврык	44
Армаутов Ш.	74	Брежнев Л.	66, 68, 69, 70, 75, 91, 92	Гель И.	35
Арутюнян Ш.	90	Брик Л.	98	Гель М.	35
Архангельский В.	53-54	Буадзе М.	78	Герц А.	103
Арчвадзе Л.	76, 77	Бубнова Е.	97	Гете	38
Арчвадзе М.	76	Будулак-Шарыгин	Н. 34	Гимпу	40, 42, 43, 47, 53
Аршакян А.	38	Буковская Н.И.	13, 32-33	Гинзбург А.	6, 9, 35, 59, 81-82
Ассельбаумс Т.	40, 43, 47	Буковский В.	32, 33, 88	Гириц Л.	66
Атаев А.	56	Бутман Г.	40, 42, 44, 47	Глузман С.	40, 43, 44, 47, 88
Афанасьев	33	Бутман Е.	44	Гнот В.	65
Бабич А.П.	98	Бухарин	27	Гогочури Г.	77-78
Барабанов Е.	102	Великанова Т.	6, 9, 14, 31, 59	Голумбиевская А.	29, 30, 80
Барин Е.	69	Веретиллов А.	72	Голумбиевский Г.	80
Барладяну В.	29-30	Верхоляк Д.	39, 40, 47, 55	Гончаров В.	28-29
Басараб	41, 47	Ветохин Ю.	67	Гоор Р.	56
Бацацашвили В.	79	Вильямс Н.	97	Горбаневская Н.	25, 97
Башкиров П.	7-10	Винничук	53	Горбач А.-Г.	44
Белль Г.	18, 20, 81			Грабанс	40, 47
Белов Ю.	68			Гранин Д.	18
Белый А.	100				
Берггольц О.	18				

Григоренко П.Г.	7	Залмановская Г.97	Козилло С.	28	
Гринерт И.	26	Залмансон И.	39,	Коитридзе П.	78
Гринерт К.	26	40,43,44,47,53	Колесниченко	43	
Гришкявичюс П.	90	Зариньш В.	26	Коломин В.	65
Гродецкий Ю.	63	Захарчен.со	40,42,	Колопач Р.	65
Громов	55		47	Комарова Н.	25
Губанов Ю.	19	Зеленов	73	Константинов	15
Губарев	43	Зиновьев А.	83-84	Константиновский	
Гуль Р.	103	Зинченко	36	В.	34
Гумилев Н.	16	Зограбян Р.	39, 40,	Копадзе	77
Гурный Р.	44, 65		47	Копотун М.	66
				Коптяева А.	103
Давыдов Г.	33,34	Иванов Н.	22-23	Коровин О.	71
Даниэль Ю.	7	Игрунов В.	9, 68	Коровина Н.	71
Даугирдас К.	94	Илиев П.	69	Костава М.	93
Джабурия М.	51,65	Ильинов	72	Котов В.	68
Джанелидзе Т.	101	Иманов	31	Кочетов В.	103
Джапаридзе Р.	99	Инаури А.	76	Краец А.	67
Джейнаров У.	73	Иокубинас К.	90-91	Красивский З.	68
Джемилев М.	30-31	Истомин	48	Кропотов	36
Дзенис	44			Крымски Дж.	81
Димова М.	69	Кактитс	43	Крючков Я.	43
Дойников	32, 34	Каланта Р.	95	Куверден В.	40
Долишний В.	39	Калинец И.	40, 42,	Кудров	15
Достоевский Ф.	103		44, 47	Кузик Г.	65
Дроздов	31	Калниньш В.	26	Кузнецов	23
Дуденас	51, 56	Каменев	98	Кузнецов	40
Дунский Ю.	97	Кампов П.	66-67	Курц Е.	44
Дьердяй	66	Кандыба И.	85	Курциновский	44
Дяк М.	105-106	Каплун И.	13-14	Кытманов	43
		Капранов М.	66		
Евграфов Н.	36-37	Караванский С.	36	Лавут А.	31, 49
Евдокимов Б.	67	Картер Дж.	89	Ладьженский Л.	51
Евлощина Л.	13	Каснер Н.	24	Ланда М.	9,14,59,92
Ежов Н.	98	Катукова	11	Левин И.	15-18
Ермакова Н.	97	Квецко Д.	53	Левин М.	97
Ермолова А.	69	Кенжаметов Я.	73	Левицкий В.	98
Ефимов А.	28	Кенчошвили И.	93	Ленин В.	100
		Кивило	40, 47	Леонтьева М.	68
Животягина Е.	71	Кийренд М.	40, 47	Лесниченко	11-12
Жильцов В.	63	Киплинг	38	Лычак	52
Жук Ю.	29	Кифьяк С.	65	Любарский К.	33,
Журавков	49	Клюев Н.	5		88
		Ковалев С.	9,13,48,	Лютиков	75
Заболоцкий Н.	27	49,52,59,61,84,88		Ляпунов	48
Завгородня	45	Коваленко	47		
Закс Ю.	9	Ковтуненко	21-22	Макаренко М.	34

Макаридзе А.	78	Нарица П.М.	23-24	Поздеев Ю.	9
Малкин А.	67	Некипелов В.	24,	Поздняков Н.	70
Малкин Л.	97		25,102	Поляков	41-43
Малюшко	31	Никанорова И.	29	Поляков Н.	70
Мамчур С.	41,56-57	Никитин Н.	69	Померанц Г.	6
Мандельштам Н.	98	Никитин Ф.	70	Пономарев С.	63
Мандельштам О.	5,7	Никлус М.	22	Пономаренко А.	72
Марамзин В.	11	Николаев	39,40	Пошкус А.	96-97
Маркосян Р.	39	Новиков Б.	6	Пришляк Е.	40,44,
Мармус В.	53	Новиков В.	19		47
Мармус Н.	40,42,43	Норейка В.	96	Пронюк Е.	39,40,
Марченко А.	22,88	Носков Ю.	36		42-44,47,53,56
Марченко В.	40,43,	Образцов	31	Процив М.	65
	44-47, 55	Огурцов И.	44,47	Пяткус В.	83
Марченко М.	45	Окулова (Вознесен-		Рак	49
Матвеева В.	84	ская) Ю.	11-12	Ребрик Б.	35-36
Матвиук К.	61-62	Орлов Ю.	9,35,86	Регельсон Л.	102
Ма Хун	63-64	Осипов В.	38,39	Редько Н.	65
Машков Ю.	47, 58,	Османов М.	74	Резников	53
	65	Османовы	73	Рейдман П.	29
Медведев	8,9	Павленков В.	63,66	Реймер Г.	24
Медведев Р.	13,25	Павленкова С.	63	Реймер Д.	24
Медведский Л.	97	Пайлодзе В.	100	Рейнхольд	39
Меладзе	75	Палатник Р.	9	Ремейка В.	65
Мелех Н.	65	Палецкис Ю.	95	Решетовская Н.	
Мельчук И.	61	Панова В.	18		103-104
Менделевич И.	51,	Пастернак Б.	25,	Рильке Р.-М.	38
	52		100	Роде Г.	26,33
Меркурьев А.	66	Паулаускас	51	Роденцев С.	29
Мешенер И.	44	Пашнин Е.	33,34	Романюк В.	57,58
Микитко	40,47,53	Пенсон Б.	38	Рубленко Т.	70
Микунов	45	Петров	48,52	Рублов	73
Мильберг	43	Петров	48,52	Руденко М.	21-22
Мираускас А.	65	Петровский В.	6	Руденко Р.	68,69
Михайленко	29-30	Пешкова Е.	98	Рудкевич Л.	27-28
Михайлов Б.	89-90	Пидгородецкый	41,	Рудниченко	70
Молотов	98		47	Рцхиладзе В.	79,93
Мотрюк Н.	40,47,58	Пименов	39-41	Рыбаков Ю.	11-12
Мудров Б.	66	Пименов Р.	13,98	Савчин	39,40,43
Мухаметшин Б.	52	Пирамишвили	79	Сагатян Р.	50
Мюге С.	13	Пирцхалава	78	Самхарадзе	75-77
Навасардян	50-51	Плахотнюк Н.	67	Сапеляк С.	34,49-50
Надвоицкий П.	98	Плющ Л.	25	Сапожникова	5
Назарук А. и Н.	71	Подгайский	20	Сафронов А.	33
Нанейшвили Б.	78	Подгорный Н.	68,		
Нарица М.А.	24		69, 90		

Сахаров А.	13, 31, 49,63,81,86-89	Таратухин С.	52	Цериньш А.	25-26
Сверстюк Е.	48,50, 52,59	Татишвили	76	Цизин Ю.	97
Светличная Н.	85, 91,92	Твердохлебов А.	7, 10,51,65,81,88	Цицишвили	79
Светличный И.	40, 42,44,47	Тесленко Н.	65	Цукерман Б.	13
Сейтмуратова А.	75	Тикалас	67	Чайка	39, 43
Сейтвелиев М.	73	Тирин	36	Чайко И.	73
Селянская В.	44	Титов	48	Чалваш С.	74
Сеник И.	37	Титов	52	Чандра Р.	89-90
Сергиенко А.	34	Трифонов Г.	18-21	Чаушеску	83
Серебреников И.	68	Турчин В.	35,86,99	Чекалис Р.	65
Серебреников П.	68	Тушишвили М.	78	Черкавский	41
Серые Л. и В.	29, 93-94	Тымчук Л.	29,80	Черняк	50, 52
Сидяков	39	Ужейкин	16	Чесноков В.	65
Силенко	46	Усатюк	56	Чичибабин Б.	25
Симутене С.	61	Усеинов Р.	74	Шабанов Р.	74
Симулис Л.	61	Утыро	44	Шабатура С.	37,60
Симчич М.	44,54	Файзуллаев В.	72	Шавлов	7
Синьков	53	Федоренко В.	34	Шакиров Б.	33
Синявский А.	7	Федоров	48	Шапиро М.	97
Снятинский Г.	56	Федоров Ю.	23	Шахвердян Б.	34, 40,42,43,47
Скрипникова А.	98	Федорченко	69,70	Швейский В.	33
Слепак В.	9	Фет А.	5	Шеварнадзе Э.	99
Соколов А.	85	Фомичев В.	85	Шевченко Т.	38,92
Соколовский Л.	19	Форд Дж.	88	Шейман Г.	55
Солдатов С.	38,39	Фрейдманис Г.	26	Шовковский	40,47,56
Солженицын А.	7, 13,25,28,63,78	Фрид В.	97	Штерн М.	21
Соломина	44	Фурман Л.	24	Штеффен И.	69
Сорока	40, 47	Хажомия К.	78	Шульман М.	97
Сталин И.	98	Хайновский В.	55	Шульц В.	69-70
Старчик П.	5-6,92, 102	Халилов А.	73-74	Шуляк	43
Старчик С.	6	Хармс Д.	27	Шуменко	60
Стасив-Калинец И.	37	Харченко	72	Шаранский А.	9,80
Столбов Г.	70	Харченко	72	Щелоков	30,61
Стоун Дж.	81	Хаустов В.	88	Щукин	43
Строкатова Н.	36, 92	Хейфец М.	38	Юнусова Р.	73
Стус В.	38	Химушкин	39	Юодвиршис Е.	66
Сулимов В.	97	Хнох А.-Л.	33	Юрашас И.	96
Суперфин Г.	33,88	Ходасевич	5	Юскевич А.	38
Сусленский Я.	33	Ходорович Т.	6,9, 28	Ягъяев А.	74
Сыроиятов	51	Хомяков А.	5	Якобсон А.	13
Сягий	42	Хохлов В.	40	Якунин Г.	6
		Храмцов Ю.	39	Янкелевич Е.	81
		Хромченко	43	Ярунин	43,47,48
		Хрущев Н.	13	Ясевич О.	97
		Цветаева М.	5		
		Целминьш И.	26		

\$ 4.50